

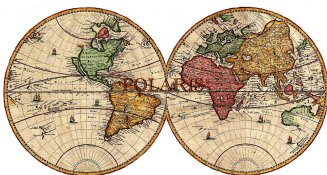
[Polaris]

Фантастическая литература:
исследования и материалы

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ХСІІІ

Salamandra P.V.V.

**Владимир
Святловский**

РУССКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН

**Фантастическая литература:
исследования и материалы**

Том II

Salamandra P.V.V.

Святловский В. В.

Русский утопический роман (Фантастическая литература: Исследования и материалы. Том II). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 108 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XCIII).

В книге представлено исследование одного пионеров русского фантастоведения, историка и экономиста В. Святловского, посвященное литературным утопиям. В качестве приложения публикуется примыкающая к этой монографии работа «Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст.», где рассматривается реальная попытка построения теократическо-коммунистической утопии.

ВЛАДИМИР СВЯТЛОВСКИЙ

РУССКИЙ
УТОПИЧЕСКИЙ
РОМАН

ПЕТРОГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1922

В. С. С.

В. С. С.

Глава I.

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ.

Начавшееся в последнее время, примерно лет тридцать назад, более усиленное изучение истории социализма не могло обойти молчанием продолжительный предварительный период ее развития — утопический социализм. Отношение к предмету было недостаточно внимательным, чему, конечно, способствовала та своеобразная форма выявления мысли и ее пропаганды, которая издавна была усвоена этой частью идеологических построений. Мечтатели и провозвестники новых политических и социально-экономических оснований общественного устройства придавали своим планам ясность и занимательность, излагая их в виде романов или путешествий. Беллетристика, став излюбленной формой выражения социалистической мысли, обрисовывала государство будущего — новый социальный строй, обыкновенно в той или иной мере коммунистический, — в определенной и законченной картине. Получавшееся вместо теоретического изложения идей живое описание, глубина и художественность которого зависели от степени таланта автора, необыкновенно расширяло усвояемость и круг читателей. Литература почти всех культурных стран располагает гирляндами таких произведений.

Начиная с наиболее популярного сочинения этого рода, опубликованного в 1516 году английским гуманистом и канцлером Томасом Мором — «Золотой книжечки об острове Утопии», все подобного рода произведения получили отсюда наименование у т о п и ч е с к и х. Мор, впрочем, не был ни родоначальником утопизма, ни первым поставившим художественное творчество на службу социальных идей. Утопии составлялись задолго до Томаса Мора, и в античной Греции, — где их пишут и Евгемер, и Ямбул, и Феопомп, и в средние века, когда их слагают и араб Ибн-Тайфайль, и француз Пьер Дюбуа, и чех Петр из Хельчиц. То-

мас Мор с своей ставшей надолго классической «Утопиею» был только одним из первых писателей, придавшим утопизму вполне светский характер и обосновавшим свой вымысел на условиях реальной исторической действительности.

Сроднившаяся с утопизмом беллетристическая форма все же не являлась исключительным приемом изложения планов устройства общества будущего. Утопические построения были иногда лишены беллетристической оболочки. Сам родоначальник социализма великий Платон изложил свои взгляды в виде поучительного философского диалога. Минуя беллетристику, социализм пропагандировали и многие позднейшие утописты: Георгий Гемистос Плетон, Корнелиус Плукбой, Джон Беллерс, Сен-Симон, Роберт Оуэн. Но все же беллетристическая форма являлась самой устойчивой и излюбленной формой изложения утопии. В итоге выработались свои традиционные манеры, свой условный стиль, своего рода ложно-классицизм. Наиболее шаблонный подход к царству грядущего — это описание новой страны как результат кораблекрушения у ее берегов или пробуждения после долгого сна в новой обстановке. Иногда завязкою служит вымысел о находке рукописей, излагающих приключения на той или иной территории будущего.

Вступительный вымысел бывал иной раз так художественно изображен, что вызывал доверие более наивного читателя. Долгое время ломали головы над определением местоположения Атлантиды — мифической страны, изображенной Платоном в Критии и Франциском Бэконом в «Новой Атлантиде». Об этих догадках существует целая литература. В XVI веке разгоряченная новыми открытиями фантазия настойчиво разыскивала Моровский остров на географических картах. Не сразу сообразили, что точный адрес царства социального идеала был указан уже самим Мором: слово утопия составлено, по моде тогдашнего времени, из греческих слов «у» — «топос», т.-е. нигде, несуществующее место.

Современность располагает громадным количеством утопий. Образовалась целая коллекция, которой необходим свой каталог. Я насчитываю в составленном мною списке — 217 сочинений подобного рода. Несколько немецких ученых — Роберт фон-Моль, Клейнвехтер, — пытались классифицировать утопии по их внутреннему содержанию и темам. Их списки неполны и устарели. К тому же они отбирали утопии чрезмерно строго и не всегда с достаточною осведомленностью. Правда, отбор необходим. Один венский антикварный каталог частного собрания сочинений утопического содержания вмещает 1850 номеров¹⁾.

В списках Клейнвехтера и Моля отсутствуют утопии, написанные до Томаса Мора, затем мало известные многочисленные утопии XVII и XVIII столетия, вроде утопии польского короля Станислава Лещинского, и, наконец, утопии самого новейшего времени, как утопии Беллами, Вильяма Морриса, Курда Ласвица, Герцки и других. Конечно, немецким ученым неведомы и русские утопические произведения. Не знают их и специалисты по истории утопий, как за границею — Сюдр, Каутский, Кирхгейм, Фойгт, Свентоховский, ни наши — Щеглов, Русанов, Рожков, Тотомиянец. Названные мною писатели изображают всю продолжительную историю утопизма в виде однообразного периода развития, начинающегося с Мора и завершающегося к началу 19 века эпохою «великих утопистов», — Сен-Симон, Фурье и Оуэн, — причем только один из трех, — а именно Фурье, по форме своих фантазий поддерживает традиции шаблонного утопизма.

Более внимательное изыскание показывает свою «смену вех». История утопизма за долгий период своего существования знает свои этапы развития и свои уклоны, раз-

¹⁾ «*Bibliotheca utopistica*» — Katalog einer Merkwürdigen Sammlung von Werken utopistischen Inhalts 16-20 Jahrn., aus dem Nachlasse *Ludwig Hewesi*, mit einer Einleitung v. Prof. F. v. *Kleinwächter*, Wien (Gilhofer & Ranschburg) (Katalog M 101).

нообразные и поучительные. Особенно важный перелом связан с эпохой Руссо.

Современная наука недостаточно изучила область социальной фантастики или социального утопизма, она вообще уделяла мало внимания этой своеобразной и важной форме литературы, которая иногда оказывалась влиятельнее прямой пропаганды или поучения.

Парагвайское коммунистическое государство иезуитов в конце XVI века, движение анабаптистов в XV и XVI в.в., переселение французских икарийцев в Соединенные Штаты в конце 40-х годов XIX столетия — вот наиболее типичные случаи воздействия фантазии на поведение больших людских групп.

Утопия вообще всегда шла впереди жизни, вдохновляла активное жизнетворчество.

Утопический социализм со времени появления научно-го был осужден, и притом более чем он того заслуживал.

Чрезмерно резкое отграничение утопического социализма — бывшее необходимым в конце 40-х годов 19-го столетия при выработке марксизма — в «дни размежевания» всегда с особой настойчивостью подчеркивалось Энгельсом и перешло, как завет, к его идейным правопреемникам. То, что в свое время было и своевременно и нужно, у них превратилось в тормоз.

Идея, имевшая целью подчеркнуть особенность марксистского подхода к социальной проблеме и к идеологии, выродилась в пренебрежение к социальной фантазии и вообще ко всей эпохе утопизма. Это уже ошибочно и несправедливо.

Утопии — действительно «буревестники истории». Они вносят красоту и жгучесть «воли к идеалу» в социальное творчество. Золотые сны утопии скрашивают серую прозу жизни и вызывают стремление вперед, к чарующим далям грядущего. Они — дыхание романтизма, но не в минувшем, а в будущем. Они — сказки грядущего. Их нельзя не любить, нельзя, не изучать....

Глава II.

УТОПИЗМ В РОССИИ.

I.

Россия с изначальных дней своей европеизации, — этого основного процесса ее развития в новейший период, — не осталась чужда утопической литературе. Выделив из своего социального состава интеллигенцию, — эту истинную «дщерь Петрову», Россия как бы вверила ей свое идеалистическое искание. Стремление к идеалу протекало при общей отсталости страны, при безмолвии масс и, естественно, всегда сводилось к одной основной проблеме — к политической. Хроническая концентрация общественной мысли и напряжения интеллигенции в одну определенную сторону — отодвигали все иные вопросы на второй план. Поиски экономического идеала получали второстепенное значение. Вначале политическое освобождение, затем уже устройство. Это придавало всей русской интеллигенции и ее идеологии — особый характер; это же ослабляло краски социально-экономической фантастики. Они были бледны, легко сбивались на местную гражданственность, проникались патриотикою. Поэтому ими так мало интересовались.

Утопические сочинения русских авторов — вопрос почти неисследованный.

Один из наших молодых беллетристов, подвизающийся ныне и в области литературной критики, недавно решительно, но неосновательно заявил, что в дореволюционной русской литературе «образцов социальной и научной фантастики почти нет; едва ли не единственными представителями этого жанра окажутся рассказ “Жидкое Солнце” Куприна и роман “Красная Звезда” Богданова, имеющие скорее публицистическое, чем художественное значе-

ние»¹⁾.

Дальнейшее изложение покажет неверность этого суждения. Нетрудно убедиться, что за последние двести лет в русской литературе не раз выдвигалась утопия, как тема для обработки. Настоящий набросок и ставит себе целью поставить первые вехи истории утопизма в России. Конечно, это только первоначальный и, по всей вероятности, неполный набросок. Мы вообще довольно основательно забыли свое прошлое, даже недавнее прошлое, тем более, что литературно-критический анализ мало подходил к этой теме. Но все же кое-что уже сделано. Работы Пыпина, Сиповского, Мякотина, Кизеветтера, Сакулина не могут быть обойдены молчанием. Они касались только двух авторов — князя Михаила Щербатова и князя Владимира Одоевского. Остальные утописты не выяснялись. Литературно-критический подход к тому же не исчерпывал вопроса. Выяснение социально-экономической стороны наших утопий, — особенно важной для этого рода произведений, — оставалось в тени.

В дальнейшем, не излагая истории утопического социализма в России, мы задаемся только попыткой наметить историю и установить экономическое содержание беллетристических утопических произведений русских авторов, но повторяем, что и это только набросок и притом набросок первоначальный.

II.

Наши утопические произведения с социальным содержанием, то, что принято относить к группе «*Staatsromane*» (по Клейнвехтеровской классификации), располагаются хронологически в следующем порядке.

¹⁾ *Евг. Замятин*: Герберт Уэллс. Петербург («Эпоха»), 1922, стр. 47.

XVIII век дает группу сочинений, среди которых наиболее значительным является утопия князя *Щербатова*. Она называется «Путешествие в царство Офирское» и написана в 1783-84 году. К этой же эпохе относятся сочинения: «Русская Памела» — *П. Львова*, нравоучительные утопии *М. Хераскова*, *Дмитриева-Мамонова* и *Левшина*, романы *Ф. Эмина*. Внимание к ним поддерживается переводами утопий с иностранных языков.

В XIX столетии за утопические сочинения берутся в середине двадцатых годов — *Фаддей Булгарин*, в тридцатых — *Вельтман*, в начале сороковых — князь Владимир Федорович *Одоевский*. Вторая половина этого столетия беднее. Утопией заняты попутно *Н. Г. Чернышевский* и *А. А. Богданов*. Можно упомянуть имена *Куприна* — (рассказ), *Замятина* и *Шапошникова*, не окончивших и не опубликовавших своих сочинений, да набросок коллективного затерявшегося романа, составленного группою народовольцев в Кариийской каторжной тюрьме.

Наше столетие, особенно после 1905 года, — этой «генеральной репетиции» великой русской революции, — вновь подымает интерес к утопическим построениям, о чем свидетельствует появление ряда переводов иноземных утопий.

У петербургских рабочих в это время пользуется успехом переложение, сделанное Николаевым, утопии Беллами «Через сто лет». Вышла также, но прошла незамеченной «Красная Звезда» *А. А. Богданова*, стоявшего на большевистской точке зрения. Но утопия *Богданова* — утопия не социальная; она должна быть отнесена к типу технических утопий. Марсиане, в силу естественного хода размножения должныствующие выселиться на другую планету, избирают местом своей колонизации Землю. Утопия изображает приключения одного из первых разведочных отрядов. Приключение сопровождается любовною интригою между мнимым автором утопии и одной из марсианок. До 1917 года «Красная Звезда» была единственною русскою утопиею с социалистическим содержанием. В великую Революцию *Богданов* добавил к ней продолжение «Инженер

Менни», небольшую изящную вещицу того же направления, что и первая его фантазия.

ГЛАВА III.

РУССКИЕ УТОПИИ XVIII ВЕКА.

1. Общий характер.

Прелестен и величественен этот большой век на Западе, век — все еще мало изученный и оцененный, век, так сильно повлиявший на мировоззрение русской интеллигенции. Золотым ключом, раскрывающим сокровищницу его духовного содержания, является Жан-Жак Руссо и его воззрения, объясняющие и соединяющие сразу, как узловая станция, все пути и духовной политики, и социальных достижений, и утопических устремлений. Уразуметь Руссо — это разгадать сокровенный смысл всей замечательной эпохи и понять, как человеческая мысль проникла в сущность тогдашней жизни: ставился вопрос не о данном социально-политическом строе, а о судьбах всей европейской культуры. Не порядок Франции XVIII века, а вся европейская цивилизация признавалась ложной.

Вместе с тем преломляется и история утопического социализма. Он становится *рационалистическим* и проникнутым идеями *естественного права*.

Аббат Морелли в «Базилиаде или в Крушении пловучих островов» (1755) дает аллегорию на крушение всей цивилизации. Руссо и руссоисты желают не улучшать и реформировать Францию, а на новых основаниях перестроить всю человеческую культуру, ставшую столь городской и столь ложной. Теперь спасают все человечество. Утопия становится абстрактною, международною, над-историческою. Рационалистический универсализм — вот общая форма социальной философии этого века.

Между тем события идут, и время становится все более сложным. Разгорающаяся индустриальная революция открывает новые горизонты. Закладывается фундамент но-

вого промышленного строя. На нем покоятся циклопические глыбы рационализма, между которыми разливается огненная лава демократизма и эгалитарности.

Строители еще не чувствуют противоречия между развивающимися формами нового быта и быстро стареющей идеологиею. Растущий промышленный капитализм с его концентрацией капитала и революционизирующим пролетариатом скоро и неизбежно разрушит высящееся над ним стройное здание идей, сложившихся на иных основах и в иное время.

Удары духовной кирки этих зодчих разносились тогда по всему цивилизованному миру. Россия тоже не могла не содрагаться. Но Радищев и Новиков, Пнин и масоны, а сильнее других декабристы, — желали присоединиться «к Западу», не задумываясь к какому, стремились приобщиться к европейской жизни, не анализируя ее оснований. Ими руководило одно пламенное желание: в грозных и тяжелых русских условиях создать основы культуры — законность и гражданственность.

В этом и состояла их утопия, которую они постигали не только в мечтах, но и решились осуществить в действительности.

В этих замыслах наши новаторы были детьми своего века — русскими дворянами, думающими прежде всего об интересах своего класса. Такова была классовая подоплека трех наиболее выдающихся просветителей Екатерининского времени: Радищева, Новикова и Щербатова. Последний был самый старший и самый типичный, на нем и остановимся.

2. Кн. М. М. Щербатов.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790) был первым русским утопистом.

Перед нами определенная общественная фигура: просвещенный дворянский публицист, человек с большим об-

разованием и с еще большим темпераментом, наиболее видный, наиболее блестящий оратор Комиссии Уложения, наиболее солидный русский публицист той эпохи. Для трудной роли независимого общественного деятеля он подготовлен серьезнее и лучше других: Щербатов историк и один из наиболее ученых людей своего времени. Недаром он автор первой русской статистики, а в его библиотеке содержится более 15 тысяч томов книг научного содержания. Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» полагает, что кн. М. М. Щербатов «был во второй половине XVIII века едва ли не самым замечательным идеологом русского дворянства», хотя он тут же добавляет, что эта «дворянская идеология имела у него свой особый оттенок» (том III, М., 1918, стр. 281).

Щербатов по своим политическим убеждениям примыкает к английским конституционалистам, он ненавидит «самовластное правление», «монархизм», «деспотичество». Последнему, по его мнению, всегда наступает «жестокый конец», потому что «долг и благосостояние» каждого влекут его «низвергнуть его», «низвергнуть сего кумира, никогда твердых ног не имеющих».

Щербатов согласен с учением об естественном праве и первоначальном договоре, он руссоист, но думает иначе, чем, например, англичанин Томас Гоббз или наш Феофан Прокопович. «Правду воли монаршей» Прокоповича он считает «памятником лести и подобию страсти».

Вообще Щербатов политически человек определенных твердых убеждений и самостоятельных взглядов. Он патриот в лучшем смысле этого слова, он гражданин, ясно сознающий лежащий на нем общественный долг.

Иное дело — его экономические убеждения, они типично классовые, крупнопомещичьи, что впрочем тогда вполне спокойно уживалось с политическим либерализмом.

Политические и философские идеи западных авторитетов Щербатов усвоил вполне, но вносит в них свои оригинальные поправки, которые диктует ему русская история и русская действительность XVIII века. От последней он не отворачивается, а относится вдумчиво и сознательно, при-

способля к ней западные просветительные идеи. Он выбирает из богатого европейского арсенала только нужное и целесообразное с его точки зрения.

Сочинения Щербатова разнообразны, темы своевременны и интересны; тон страстный и убежденный, часто смелый и резкий. Он не льстец и не искатель, а гражданин-патриот, что само по себе уже было много.

Говоря о самом себе, он признавал «некоторое нетерпение и чувствительность к тягостям ближнего», но оправдывал их «любовью к отечеству» и отсутствием «подлого раболепствования».

Щербатов скорбит об участии русского гражданина, который «влачит тягость жизни своей, не имея ни твердых законов, ни знающих правителей, ни чинов управления, достаточную силою снабженных»...

Жизнь, честь и имущество русского гражданина «не более в безопасности, чем слабая лодка без руля среди моря. Несть ни правила, коему мог бы последовать, ни пристанища, где бы узрел свое спасение»¹⁾.

Такой порядок, или, вернее, беспорядок, по мнению Щербатова, в корне противоречит действительным задачам государства, которое должно охранять естественные права каждого гражданина, содействовать осуществлению «общего блага», так как только для достижения этой цели «люди уступили часть своей свободы и своих выгод, дабы другими частями безопасно пользоваться»²⁾.

Для осуществления своего политического идеала Щербатов не требует, как европейские утописты, ни равенства всех перед законом, ни уравниения в привилегиях, ни имущественного коммунизма.

Щербатов отстаивает и неравенство, и частную собственность, и индивидуальную инициативу. Из общей массы

¹⁾ Щербатов, кн. М. М.: Сочинения, т. II, СПб., 1898, стр. 248 и 251 (статья: «Оправдание моих мыслей»).

²⁾ Щербатов, кн. М. М.: Сочинения, том I, СПб., 1896 (статья: «Разные рассуждения о правлении»), стр. 421.

народа он выделяет одно только родовитое дворянство, которому и поручает «заботу об общем благе». Кроме политических привилегий Щербатов стремится наделить этот класс и всеми экономическими преимуществами, заботясь о поддержании и сохранении только одной «родовитой породы». Этому классу он и в своих памфлетах, и в своей утопии всемерно старается подчинить все остальное население и даже верховую власть.

Естественно, что Щербатов против освобождения крестьян от крепостной зависимости и сознательно отдает их под опеку дворянства.

С такого рода строго классовыми воззрениями, дошедшими до кульминационного пункта своего выражения, Щербатов и подходит к созданию своей утопии.

3. «Путешествие в землю Офирскую».

Так озаглавленное сочинение князя Щербатова представляет собою типичную русскую утопию последней четверти XVIII века, хотя незаконченную и неотделанную, но написанную человеком уже в зрелом возрасте, — Щербатову к началу ее составления уже минуло 50 лет, — и по солидности замысла не уступающую сходным произведениям того же времени.

«Путешествие в землю Офирскую» рассказывается от имени *«господина С., швецкого дворянина»*, составлено оно в 1783–84 году, т.-е. накануне Великой Французской Революции. Это сочинение долго оставалось в рукописи, как и вообще многие из работ Щербатова, несомненно, по условиям цензуры. Распространялось ли «Путешествие» в рукописных копиях, мне неизвестно.

«Офирская земля» снабжена обычным вступительным вымыслом, маскирующим действительного автора и его намерения. Этот шаблонный прием, нечто среднее между лукавством и застенчивостью, — у Щербатова упрощен до крайности: потерпевшего кораблекрушение «швецкого дворя-

нина» приютили жители неведомой Офирской земли, где нравы, обычаи и учреждения оказались достойными внимания и изучения.

Щербатов знает, что библиотеки полны множеством «путешествий», сходных с его сочинением, но все же не может воздержаться не опубликовать описания страны, в которой «никто не бывал». Она интересна не «великими чудесами» в рассуждении естественного состояния, а особенностями своего устройства и быта. Во-первых, в ней нет международной торговли, во-вторых, — она замечательна «мудрым правлением, в котором государственная власть сообразована с народною пользою». Здесь «вельможи имеют право со своею приличною смелостью мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано из царского двора, и истина имеет во оный невозбранный вход», здесь — «законы сделаны общим народным согласием, и беспрестанно исправляются и улучшаются». Правительственных чиновников и дел у них — немного, вельможи, как и простолюдины, не «пышные, не сластолюбивые», а искусны, добродетельны и трудолюбивы. На первом месте в стране стоит добродетель, затем почитают закон, а уже после царя и вельмож. В столицу этой страны «Перегаб» шведский дворянин С. попал в 1774 году, когда она была уже частью в развалинах. Перегаб — это Петербург, Офирия — Россия, но с более скромным образом жизни. История Офирии — русская история, словом, аналогия полная и несомненная. Только щербатовская Россия патриотически вернула столицу в старую Москву, отчего в Перегабе часть зданий за ненадобностью уже «в развалинах».

Во главе Офирского государства стоит наследственный монарх, которому принадлежит власть исполнительная, но он имеет возможность влиять и на законодательство, хотя сами цари, по Щербатову, «неудобны» для сочинения законов. Наследственность верховной власти не помешала, однако, тому, что два предыдущих императора земли Офирской были свергнуты с престола и закончили свою жизнь в тюрьме.

«Высшее правительство» разделялось на несколько департаментов, где кроме назначенных чинов «высшего правительства» присутствуют «выборные», как от дворянства, так и от купечества. В депутаты «от купечества» можно было выбирать не только торгующих, но и мещан и ученых. «Назначаемые» члены избираются императором из числа кандидатов, также выбираемых.

Справедливость требует отметить, что Щербатов на указанной форме правления не остановился. В другом своем еще более позднем сочинении: «О повреждении нравов в России», написанном в 1786-89 годах, Щербатов не довольствуется строем, изображенным в «Путешествии». Здесь он определенно высказывается за ограничение самодержавия сенатом или парламентом, а не кучкою родовитых олигархов, как в «Земле Офирской». В выборные в сенат кроме дворянства Щербатов рекомендует даже представителей купечества.

Жители Офирской земли просты, умеренны и скромны. Званый обед у начальника порта дает представление об условиях быта и нравах.

«Скатерть была простая, лежали тарелки, ножи, вилки и ложки, так как по-европейски, восседали на стульях. Сервиз был жестяной и хотя все с великой чистотой, но и с великой простотой было. Кушанья было очень мало. Хотя нас было десять человек за столом, но обед состоял из большой чашки похлебки, с курицею и травами сваренной, из блюда говядины с земляными яблоками, из блюда рыбы вареной, затем — жареной дичи и, наконец, из пирожного, сделанного с медом, на молоке и яйцах. Пили мы в зеленых стеклянных больших сосудах воду, а потом мы потчеваемы были разными напитками: водою из сосновых шишек с медом, водою из черной смородины и одним густым питьем из проса наподобие нашего пива».

Повидимому вельможе-автору показалось, что он перехватил в скудости питания, поэтому после обеда из пяти блюд Щербатов ведет приглашенных в гостиную, где их еще угощают свежеею земляникою, клубникою, черникою

и морошкой, которую там едят «с сотом меда и патокою в горшках».

За столом радушная хозяйка поразила своею «великою скромностью», и сделала гостям «многие учтивости».

Простоте стола соответствовала и простота помещения. Стены белые, алебастровые, без украшений, мебель из простого дерева. На улицах езда на быках. Вообще нигде никакой пышности и великолепия. Спиртные напитки неизвестны. Взаимоотношения — просты и добродетельны. Законы мягки и снисходительны. Судопроизводство гласное и скорое.

В описании города Перегаба и его державного основателя Иереги нельзя не узнать нашей северной столицы и Петра Первого. Царствующий Сабакола, взойдя на престол, перенес столицу обратно в Квамо, т.-е. в Москву, согласно исконным старорусским вожделениям, о которых патриотически мечтал и Щербатов.

Попутно говорится о русских городах, которых в эту эпоху основывалось большое число и притом буквально одним росчерком пера. Щербатов высказывается за градостроительство только при наличии определенных экономических условий — «мастерство и рукоделье», «торги и пристанища», «удобность места, стечение народа и самый достаток жителей» и т. д. Вообще он идейный враг города, считал его, как все руссоисты, источником «повреждения нравов». По его мнению, города должны быть разбросаны определенной сеткою (с расчетом доехать до каждого из них из любого медвежьего угла в два-три дня), и прямое их назначение — усиление темпа внутренней торговли. Последней должна помогать промышленность, которая в Офирии процветает. Щербатов первый намечает вопрос о правильной районизации страны, новое деление которой на губернии его не удовлетворяет, и он, пользуясь случаем, входит в пространные по этому поводу рассуждения. Вообще публицист чувствует себя на каждом шагу.

Знакомство с правящим императором и его двором, простым и несложным, и поездка в Квамо — мало интересны. По пути в столицу, автор проезжает мимо военных поселе-

ний и горячо пропагандирует будущую идею Аракчеева. Он многословно описывает достаток и благоустройство этих селений, находя их удачным разрешением вопроса о соединении солдатчины с земледельческим трудом. Затем на пути укрепленный и торговый город Габановия, осмотр которого рисует обычный русский губернский город, но украшенный патриотическим усердием автора. Тут же он посещает школу, где не последнее место занимают спорт и военные «экзерсии».

Учение связано с религиозным воспитанием, жрец храма в то же время и учитель. «Каждый поселенский сын, достигший пяти лет, должен во всякую неделю ходить в училище, по три дня (очевидно в неделю) на целый день в зимние месяцы». Учение бесплатно. Учатся оба пола, но в отдельных училищах. Всех обучают «катехизисам нравственным и гражданским», текст которых тут же и приводится. Это прописная мораль и основы теизма.

Вообще теизм — религия офицеров, чего и надо было ожидать от просвещенного вольтерьянца. «Мы, люди, твари, одаренные разумом», заявляет Щербатов. Жертва Высшему Существо «сердце чистое». В утопии приводятся тексты молитв и порядок богослужения.

Подробно регламентируются имущественные отношения при браке. «Главный трибунал благочестия» наблюдает за нравственностью и супружескою жизнью. Измена не допускается и наказуема.

Богохульники объявляются сумасшедшими. Особые заботы вызывает попечение о здоровья, безопасности и спокойствии офицеров. Роскошь и обжорство — главные пороки, их надо «убегать».

Автор осматривает царский дворец, императорские гробницы и ботанический сад.

Описание слегка оживляется введением небольшой сентиментальной любовной истории одного военачальника, храброго и добродетельного, Бомбея-Горы.

Утопия прерывается в начале обстоятельного описания разных «знатных» присутственных мест столицы, числом

свыше 30, — которые «шведский дворянин г-н С.» должен посетить.

4. Идеология «Офирского государства».

Изменяя основному построению каждой утопии — популярности действительности, утопия кн. М. М. Щербатова не изобразила что-либо противоположное существовавшему в его дни в России строю — республиканской или коммунистической организации. Это, казалось бы, могло быть так естественно в дни Великой Французской Революции, всколыхнувшей все европейские страны. Наш автор — помещик, националист и патриот, критически воспринимающий западное. Поэтому основы политического и социально-экономического уклада Офирской земли у Щербатова те же, что и в тогдашней Екатерининской России: хотя умеряемый, но все же «монаршизм», «деспотичество», сословность с определенным преобладанием дворянства, феодально-землевладельческий строй хозяйства. Как дань утопии, отчасти воспринимаемой с Запада — смягчение и попытка облагородить старый, давно знакомый остов императорской крепостной России с ее беспорядком и самодурством. Идеи Руссо, Вольтера и моральных тезисов масонства смягчают в построении Щербатова острые углы действительности. Она окутана облагораживающими идеями умеренности, гуманности, подчинения личности гражданскому долгу. В угоду этим воззрениям в Офирии отсутствуют: самовластие «деспотичества», беззаконие и лень, роскошь и мотовство, «цезарепапизм», а также откупа и водка, иноземная торговля и регулярные войска с рекрутскими наборами и растлевающей казарменной жизнью. Функция «охраны отечества» предоставлена военным поселениям, сколок с казачества, т.-е. прообраз той несчастной идеи, которая много лет бродила в умах правителей России, пока не привела к Аракчеевщине.

Вообще «Земля Офирская» царство добродетели, законности и простоты, т.-е. полная противоположность той России, которую гневно изобличал тот же Щербатов в своем известном памфлете: «О повреждении нравов в России». Идеалы добродетели и справедливости сглаживают социальные углы и резкости разнузданного помещичьего строя, к которому автор вообще относился снисходительно. Вельможа и простолюдин, император и чиновник, помещик и крепостной — мало разнятся между собою, разве лишь в обычаях и достатке: все население земли Офирской ведет строго умеренный, почти пуританский образ жизни, чуждый излишеств и роскоши, преисполненный святости исполнения долга и закона. Процвetaют гуманность и филантропия.

Кроме нравственных идеалов, вообще столь свойственных тогда последователям *масонства*, другой элемент эпохи — *вольтерианство* также накладывает определенный отпечаток на утопию просвещенного Екатерининского вельможи. Официальный религиозный культ «цезарепапизм», со всем многочисленным классом его служителей отсутствует. Деизм — *profession de foi* Вольтера, — вот религиозно-философская основа офирского народа. Воззрения, быт и нравы последнего — отражение взглядов самого Щербатова. Он сильная и своеобразная фигура в эту эпоху подражательности без критики и беспринципных заимствований. Европейски образованный, Щербатов сумел сохранить и независимость мысли, и гордость консерватора-патриота. Отсюда и укор исследователя знаменитого Екатерининского культурного триумвиата — Новиков, Радищев, Щербатов — Боголюбова в отсутствии в общественном мировоззрении Щербатова «внутренней органической стройности»¹⁾. «Либерал, в области политической и крепостник в области социальной, — говорит тот же автор, — кн. Щер-

¹⁾ Боголюбов В., Н. И. Новиков и его время. М. 1916 г., стр. 163.

батов стал в очень неудобное положение по отношению к русской действительности: метко и язвительно критиковал ее политические порядки и восторгался прелестями крепостного права, мечтал о торжестве законности в русской жизни вообще и защищал “законность” власти помещика над крестьянином. Свет западной философской мысли осветил ему тьму русской жизни лишь сверху, его отношения к правительству, но резко выраженное сословное чувство помешало ему донести этот свет до низов — до его отношений к народу». Боголюбов совсем не понимает, что и руссоисты и физиократы на Западе, так же, как и все представители нашего благородного и наипросвещеннейшего шляхетства, были проводниками строго классовой точки зрения и что между нею и идеями политического и экономического либерализма существовала глубоко-принципиальная и кровно-органическая стройность.

И физиократы, и конвент защищали идеи частной собственности, как наши просветители крепостное право из сострадания к неразумному крестьянству.

Воззрения Щербатова, как публициста и общественно-го деятеля, и воззрения Щербатова-утописта, хотя и исходят из тех же источников времени и места, сословия и образования, но не совсем тождественны. Убежденность Щербатова в социальном неравенстве людей и в преимуществах родовой знати, в национальных особенностях русского быта и важности помещичьего представительства в высших органах власти, утрачивает резкость своего выражения в утопии и растворяется в общих теоретических положениях его времени. Даже его классовое стремление к захвату политической власти теряет свою напористость и расплывается в добродетельной гуманности.

5. Источники Офирии.

Утопия кн. Щербатова составлена по обычному литературному рецепту XVIII века; как форма — она шаблонна и

подражательна. Образцами служили несколько европейских сочинений единовременно. Но от этого не утрачивается оригинальность. «Путешествие в землю Офирскую, — говорит Чечулин, — не является произведением вполне оригинальным, но вместе с тем оно не есть и прямое подражание какому-либо одному образцу»¹⁾. Щербатов прежде всего имел в виду *реальные условия тогдашней России*, их описание — первый источник его творчества, затем он пользовался единовременно несколькими социальными романами, но ни одному из них не следовал безусловно и вложил в свое сочинение свое собственное содержание. Образцами, влиявшими на Щербатова, были одно немецкое и три французских сочинения, а именно:

1) «*Королевство Офирское*» — анонимная утопия, появившаяся в Германии в 1699 году.

2) «*История Северамбов*» Дениса Верраса Д'Алле, напечатанная впервые во Франции в 1677 году.

3) «*Приключения Телемака*» аббата Фенелона, Париж, 1698 г. и

4) «*Разговор европейца с островитянином*», польского короля Станислава Лещинского, Париж, 1752 г.

Первые три сочинения появились за сто лет до Щербатовской утопии, последнее — за полвека: вот как медленно двигалась на восток европейская мысль. Нечего и говорить, что над всеми западными образцами господствовало одно общее идейное влияние — дух Платона, но, конечно, никакой непосредственной связи между «Государством» Платона и Щербатовским «Путешествием» не было. Сочинение великого греческого философа Щербатов знал хорошо. Если в «Путешествии» о Платоне прямо не говорится, то в других сочинениях Щербатова: «Статистика» и «Разговор о бессмертии души» на Платона делаются прямые ссылки. Сочинения Платона Щербатов к тому же мог уже читать в русском переводе. В 1785-86 г.г. появились у нас впервые «*Творения велемудрого Платона*», переведено с

¹⁾ Чечулин, Н. Д. «Русский социальный роман XVIII века». Спб., 1900 г.

еллино-греческого свящ. *Ив. Сидоровским* и *Матвеем Нахимовым*», в 3-х частях. На соотношениях между Щербатовым, Веррасом, Лещинским и анонимным автором «Офирского Государства» стоит вкратце остановиться.

«Офирское Государство» повлияло на Щербатова не только своим библейским заглавием. И анонимный немецкий автор, и его русский подражатель выдвигают на первое место религию и религиозные учреждения, управляемые у обоих сильною светскою властью («верховная консистория» у одного и «верховный трибунал благочестия» — у другого). Затем заметно сходство и в мелочах: оба автора против браков своих монархов на иностранках, против торговли испорченными съестными припасами, против распущенности солдат, и оба за целый ряд ограничений и формальностей, проникнутых духом мелочной полицейской регламентации. Конечно, в обеих утопиях население весьма далеко от совершенства, преступно и мало благородно, почему сохраняется и система суровых наказаний. Помимо уголовного кодекса оба мечтают оказать воздействие на граждан морализациею. Но мораль их весьма невысокого качества, заимствованная из катехизиса и полицейских ламентаций. Много сильнее и глубже повлиял на Щербатова Веррас. Его удачная и интересная утопия проникла во все произведения русского писателя, начиная от способа составления собственных имен и кончая трактовкою вопросов религии и управления. Но Веррас последовательный коммунист, его «осмазии» прототипы фурийеристских фаланг, его система выборов — предтечи демократизма будущего, а Щербатов — не только защитник частной собственности и индивидуального брака, но целиком склоняется к сословному полицейскому государству с его резким централистическим вмешательством «во все и во вся», с его привилегиями для знатных и родовитых.

Некоторые мелочи — напр., вопрос о преимуществах постоянного войска над наемным, о происхождении богопочитания у первобытных народов — свидетельствуют, что Щербатов не избег некоторого влияния и утопии польского короля Станислава, но эти две-три мелких сходных

черты скорее вызваны общим источником их заимствований и общим духом идей XVIII века, а не непосредственным подражанием. Чечулин склонен найти кое-какие мелочи в утопии Щербатова, напоминающие утопии Фуаньи, Гольдберга и Ретиф-де-ля-Бретоння, но его доводы мало доказательны, и указания настолько ничтожны, что на них не стоит и останавливаться.

Помимо утопий на Щербатова влияли общие идеи второй половины века, руссоизм и политические идеалы Монтескье. Они дали общий тон его суждениям и придали рационалистический и морализирующий характер той окраске всей утопии, которой внутреннее содержание наполнила Россия. Его утопия — *облагороженная и смягченная на Щербатовский лад русская действительность Екатерининской эпохи*. Реальные условия — вот основа его фантастики, столь местной, временной и земной. Описывая свое Офирское царство, Щербатов совсем забывает идеи демократии и эгалитаризма, идеалы гражданской свободы и принципиальной законности и дает повторение наследственной монархии со строго сословной организацией, в которой доминирует родовое дворянство. Оно ограничивает власть императоров и отдаляет их от народа. Вельможи — это фактические правители и высшие администраторы страны. Во всем остальном Офирия — Россия: те же права и обязанности остальных сословий, та же централизация и разделение на ведомства, те же государственные и местные учреждения. Такою политической системой Щербатов вполне доволен: она приводит, по его мнению, страну в блестящее экономическое положение. Создается равновесие между богатством и бедностью, средние умеренность и довольство. Этим страна обязана крепостному труду, ничтожности налогов на содержание администрации, правильной системе налогов. Экономическая близорукость и финансовая наивность Щербатова — феноменальны. Это типичный вельможа, увлекавшийся, повидимому, потемкинскими декорациями деревенского благосостояния, которые обильно подтасовывались царедворцами для удовольствия императрицы Екатерины Второй.

Тон офирской жизни и направление всей деятельности офирских граждан дает их «катехизис». Трудно себе представить что-либо более ничтожное, узкое и безыдейное.

Холодные и мелкие соображения, практические удобства и выгоды, соображения лицемерного благонравия и личной выгоды стоят на первом плане, все покрывает один великолепный тезис Щербатовского катехизиса: «делай, что хочешь, но втайне, за это наказания нет, но не приключай соблазна». Это уже сравнительно с гражданским пафосом и бичующими скорбными нотами «О повреждении нравов в России» — значительный шаг назад. Вообще эта утопия не создает лестного представления ни о России того века, ни о самом авторе.

Щербатовская утопия осталась незаконченной и, повидимому, в свое время неизвестной. Ее впервые напечатали спустя сто лет, а именно в 1896 году. Это не умаляет ее достоинств исторического свидетельства об Екатерининской России и идеологических настроениях тогдашнего передового дворянства. Появившись только в конце XIX века в печати, она все же привлекла внимание ряда писателей и публицистов. Об утопии Щербатова почти одновременно пишут: А. Н. Пыпин, В. А. Мякотин, профессор А. Кизеветтер, Н. Д. Чечулин. Первые три разбирают утопию с общественно-политической точки зрения, последний с историко-литературной.

Для нас анализ Чечулина интереснее. Этот исследователь ошибочно считает «Путешествие в землю Офирскую» — «социальным романом», являющимся «единственным известным пока оригинальным в русской литературе представителем произведений этого рода». В общем Чечулин смотрит на Щербатовскую утопию одобрительно¹⁾.

В. А. Мякотин настроен совсем иначе, он считает «Путешествие» — «едва ли не самым слабым из трудов Щер-

¹⁾ Чечулин, Н. Д. «Русский социальный роман XVIII века». Спб., 1900 г.; 2-ое изд. Спб., тоже 1900 г.

батова и по силе обнаруженного в нем таланта, и по характеру содержания». «Наполовину памфлет, наполовину — идиллия, оно заключает в себе слишком мало полета мысли для утопии и написано слишком бледными и тусклыми красками для того, чтобы иметь значение сатиры». Вообще «в этом произведении можно наблюдать то же соединение политического свободомыслия с узкословным эгоизмом, столь характерное для Щербатова, соединявшего уроки западно-европейской теории с впечатлениями русской действительности в одно целое, но узкое мирозерцание».

Менее шаблонно и более вдумчиво судит проф. А. Кизеветтер, пытающийся добросовестно разобраться в утопии Щербатова и выделить из нее положительные элементы.

Пыпин, Мякотин и Кизеветтер рассматривают это произведение Щербатова с точки зрения политической и притом *прогрессивно-политической*. Н. Д. Чечулин, равнодушный к такого рода оценкам, интересуется утопией Щербатова с историко-литературной точки зрения.

Если подойти к Щербатовскому сочинению с точки зрения современной научной оценки, то первое, что бросается в глаза и всецело определяет его характер — это определенность последовательно проведенной чисто классово-экономической точки зрения. Это утопия крупного феодального землевладения, притом осознавшего себя таковым. По-своему, Щербатовское произведение — создание исключительное в своем роде, так как западноевропейские утопии враждебны и к классу собственников, и к самому институту частной собственности. Коммунизм Щербатовым сознательно отвергается, и вместо него подставляется, хотя и несколько облагороженный с виду, но все же *существующий* социальный строй. Такая «утопия» вдвойне вредна, так как она подставляет в идеал зеркало плохой действительности. Только в политическом смысле утопия Щербатова — явление прогрессивное, как то и полагалось быть феодальной буржуазии.

Мыслящее русское общество того времени вообще было затронуто политической мечтательностью, и русский

роман второй половины XVIII века был тем литературным жанром, который ярче всего выразил эти мечты. Щербатов был далеко не одинок: его сочинение — вопреки мнению Чечулина, — было одно из многих в ту эпоху; оно только более выдержано и более друтих посвящено социально-политическим мотивам. В этом его историческая ценность.

6. Остальные утопии XVIII века.

Кроме «Офирии» Щербатова русский читатель в XVIII веке имел в своем распоряжении значительное количество утопий, русских и переводных. Оригинальных авторов можно указать около семи-восьми, переводных — не меньшее количество.

Как та, так и другая группа объединяются общим уклоном своего содержания: это не те социально-философские романы, ведущие свою родословную от Томаса Мора, которые ставили своей целью выяснение социальной правды, как Кампанелла, Веррас или Морелли, и поэтому, естественно, приходившие в своих утопических поучениях к коммунизму, а та плеяда полу-политических романов, цель которых была морально-политическое поучение, дидактика. Они выросли из того общественного настроения, которое ярко сказалось во Франции в конце царствования Людовика XV. «Богатое всевозможными опытами, это правление кончилось крахом. Объяснить причину этого краха пытались и проповедники, и писатели». Впереди других в этом смысле стоят аббат Фенелон и Монтескье, которых усердно переводят и охотно читают в России. К этой же группе относятся сочинения англичан Рамзая и Террасона, а также «Велизарий» Мармонтеля.

О моде на Фенелона и Монтескье можно судить по тому, что Фенелон появился в России в девяти изданиях, Монтескье в 4-х.

«Телемак» Фенелона содержит нравоучение правителям и картинки благополучия стран, в которых следовали принципам этих поучений. Фенелон не свергает царей, а увещевает их. Он стремится им внушить, что лучший царь — раб своего народа. Особенно сильно Фенелон нападает на придворных — льстецов и лицемеров — и на дворцовую роскошь. Показной блеск двора разоряет государства. «Город процветает на счет деревни». «Истинное благосостояние не в блеске города, а в богатстве деревни». Не жалея слов на порицание «дурных» правителей, Фенелон не скупится на восхваление «хороших», помогающих разумно устроить счастливую жизнь своих подданных. Мораль Фенелона делала его книгу «настолюю» при воспитании принцев крови, которых мечтали сделать «просвещенными» правителями. Поэтому действительный социальный идеал показывался им как дальняя декорация в красивом апофеозе. Радикальные черты утопии служили только аксессуаром картины. «Утопия» вкрапливалась, как иллюстрация к поучительному тексту. Одна из таких «утопий», где граждане блаженствуют, заключается в следующем:

— «Не нужны им судьи. Дает им суд собственная совесть. *Все блага их общие*. Древесные плоды, земные произрастания, млеко от стад их составляет обильные богатства.... Нет у них имуществ, которые бы должно было защищать от своих ближних. Они все взаимно любят братскою, ничем не возмущаемою любовью. Все они свободны, все равны». Другой пример критяне. Вот их утопия:

«Здоровье, сила, мужество, тишина, союз дружбы между семействами, свобода всех граждан, избыток в вещах нужных, презрение излишеств, навык к трудам, омерзение к праздности, поревнование к добродетели, покорность законам и страх ко праведным богам — суть величайшие сокровища критян»¹⁾.

¹⁾ Фенелон. Приключения Телемака, сына Улисса, русск. пер. Лубяновского. М. 1797 г., ч. I, стр. 136.

Монтескье в «Персидских письмах», особенно в главе, где изложена «история троглодитов», описывает «золотой век» на земле.

Фенелон оказал сильное влияние на Михаила Хераскова, Монтескье на Лёвшина. Политическое и религиозное свободомыслие Монтескье совмещает с идеализацией минувшего патриархального быта, который рисуется ему олицетворением свободы и равенства. Поэтому особенно прорисовывается его утопия, изложенная в «Истории троглодитов» (глава в «Персидских письмах»).

Кроме Фенелона и Монтескье на русских сочинителей оказали влияние Рамзай и Террасон, английские утописты, и Вольтер с Жан-Жаком Руссо.

Можно установить следующий список русских утопистов XVIII столетия.

1. Князь Михаил Михайлович Щербатов.
2. Михаил Матвеевич Херасков.
3. Павел Юрьевич Львов.
4. Федор Эмин.
5. Василий Алексеевич Лёвшин.
6. Михаил Дмитриевич Чулков.
7. Федор Иванович Дмитриев-Мамонов.
8. Однодворец Захарьин.

Рассмотрим вкратце содержание утопий каждого из них.

1. Наиболее значительным после Щербатова был несомненно М. М. Херасков, несмотря на весь свой «ложно-классицизм» и подражательность выработавший черты оригинальной мысли.

Михаил Матвеевич Херасков (1733-1807) написал три утопии в духе Фенелона:

1. «Нума или процветающий Рим». Москва. 1768¹⁾.
2. «Кадм и Гармония, древнее повествование». М. 1786²⁾.

¹⁾ 2-ое изд. М. 1793, 3-е изд. М. 1800.

²⁾ 2-ое изд. М. 1789. 3-ье изд. М. 1793. 4-ое изд. 1801. 5-ое изд. М. 1806.

3. *«Долидор, сын Кадма и Гармонии»*. М. 1794¹⁾.

Херасков, ссылаясь на Платона, стремится изобразить «благополучное состояние общества», причем тут же сам сознается, что это только «утопия», но «ежели нет благополучных обществ на земле, то пусть они хотя в книгах находятся и утешают наши мысли тем, что и мы со временем можем учиниться счастливыми».

Херасков руссоист, но на тот особый русский лад восприятия Руссо, которое было свойственно русскому дворянству: из Руссо брали только сентиментальное влечение к сельской идиллии, восторженное влечение к природе и поэтизацию первобытного уклада жизни. Идеи общественного договора усвоились слабо, а эгалитаризм понимался лишь как равенство членов благородного шляхетства между собою. Поэтому и у Хераскова бледная политическая мечтательность сочеталась с экономическим варварством, в лучшем случае с социально экономическим индифферентизмом. Классовая утопия буржуазии не могла быть составлена иначе.

Для образца воззрений Хераскова возьмем содержание «Нумы».

«Нума» — простой римский землепашец. Неожиданно к нему в деревню являются из Рима вельможи с приглашением занять царский престол. Нума сначала отказывается, предпочитая скромное земледелие царскому венцу, но потом, переубежденный, — соглашается. Нимфа Егера, исполняя роль фенелоновского Ментора, дает ему ряд советов и указаний о надлежащих способах управления государством. Все это сводится к условным формам добродетели, и в итоге, Нума — мудрый правитель, приносящий счастье своему народу. Рецепт правления — обуздание вельмож и издание справедливых законов, основанных «на естестве» (т.-е. на идеях «естественного права»). Социальный реформизм отсутствует.

¹⁾ 2-ое изд. 1801. 3-ье изд. 1806. Подробное содержание изложено у В. Ситовского: *Очерки из истории русского романа*, т. I, вып. 1. Спб. 1909.

В том же духе второй роман Хераскова, «Кадм и Гармония», повествующий о царе Кадме, как «мудром» монархе и «друзе» народа.

И тут под скипетром добродетельного и мудрого монарха прекрасно сохраняются и сословные рамки, и институт рабства. Благополучное состояние общества мыслится как результат монаршей добродетели и законов, основанных «на естестве». «Истинное блаженство человеческого рода, — патетически заявляет Херасков, — проистекает от благо-разумных законов». В первых двух романах за монархизмом и рабовладением все же чувствуются какие-то общие политические симпатии к свободе. Но в третьем его романе «Полидор» политические симпатии Хераскова резко меняются. Это результат разочарования Великой Французской Революцией, увлекшего часть классового общества во главе с Екатериною в лагерь реакционеров. Если в первых двух романах, написанных Херасковым до Революции, чувствуется еще склонность к перевороту, то после Революции, в «Полидоре», Херасков уже энергично осуждает «насильников» и «вольнодумцев». Теперь он раздраженно величает «вольность» и «равенство» — «чудовищами».

П. Павел Юрьевич Львов (1770-1825) в II части *«Российской Памелы»* дает картинки патриархальной жизни, основанной на мудром политическом правлении, в итоге чего народ счастлив и благоденствует. По духу времени это, конечно, добрые и нравственные дикари, островитяне. Управление у них в руках народного собрания, вместо суда и наказания действует система «посрамления» провинившихся. Другая картинка дает описание страны, где люди живут в условиях золотого века, когда «еще приятная независимость царствовала во вселенной, когда безвинные утехы непорочных нравов цвели, как при благорастворенном воздухе и в объятиях тишины розы, когда не знал род человеческий имени “собственности”».

«Нет там богачей и нищих, нет огорченных и обиженных», поясняет социальный итог утопической жизни автор.

Федор Эмин (1735-1770), «Кабинет-переводчик» императрицы Екатерины II, писатель, автор ряда романов, издатель журнала «Адская почта». Наиболее интересны следующие его романы, носящие утопический характер:

1) «Непостоянная fortuna».

2) «Письма Эрнеста и Доравры».

3) «Приключения Фемистокла» и разные политические, гражданские, философские, физические и военные его с сыном своим разговоры. Спб., 1763.

Эмин находится под влиянием Руссо, Локка и Фенелона. «Новая Элоиза» Руссо легла в основу его романа «Письма Эрнеста», Фенелон повлиял на приключения Фемистокла. Его герой, изгнанный из отечества, странствует со своим сыном Неоклом по разным странам, причем по поводу всего виденного делится с ним своими мыслями. В описании Кари, Персии и Фракии, сильно смахивающей на Россию, выдвигает чисто русские стороны жизни и поучает на свой собственный лад. Часто грубо модернизирует: фракийские кавалеристы носят шпоры. Примером характера его поучений является требование посылать в деревню попов («суеверных жрецов»), ибо «философия для простого мужика весьма бесполезна и ему нужно больше делать, нежели рассуждать».

Эмин проникнут публицистическим настроением, но экономические идеалы его сбивчивы. Как поклонник Руссо, он восхваляет земледелие и сельскую идиллию, как человек, побывавший в Англии, он преклоняется перед английскою торговлею и купечеством. «Купечество, — уверяет Эмин, — душа государства и города, польза и украшение».

В этом он сильно напоминает свою покровительницу Екатерину II, которая в двух своих сочинениях «Antidote» (1770) и «Сказка о царевиче Хлоре» (1781), идеализировала сельский быт, а в «Наказе» подготавливала почву для развития торговли, в которой так же, как Эмин, видела процветание государства. И Эмин, и его высокая покровительница любили сатиру, но сатирический журнал Эмина «Адская почта» велся в ином духе, чем «Всякая всячина» Екатерины. Эмин примыкал к Новиковскому «Трутню», более

общественно-настроенному органу, чем журнал императрицы.

Эмин выгодно отличается от Екатерины своим патриотизмом и симпатиями к угнетенному крестьянству.

V. *Василий Алексеевич Лёвшин* (1746-1826) пишет *«Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве»*, 1784. Лёвшин находится под сильным влиянием Монтескье. Его утопия, подобно утопии француза Сирано де Бержерака, помещается на Луне.

Здесь быт патриархален, без писанных законов и «самовластия» царей. Занятие жителей, живущих одною общиною в громадных общих зданиях, — земледелие и скотоводство. Недостатки и пороки лунных жителей типично земные — суетность, лживость, суеверие и плутовство.

VI. *Михаил Дмитриевич Чулков* (1740-1793) в романе *«Пересмешник»*. М. 1789, тоже изображает лунных жителей, живущих коммунистическим устройством. Но слова «коммунизм» у него не имеется, а туманно говорится, что у жителей Луны «все было общим». Чулков описывает также жизнь народа «дулебов», у которых при изобилии не было роскоши. Но здесь уже нет общности имуществ, а сохранены все сословия и классы существующего общества. Только земледельцы особенно трудолюбивы, дворяне — выделяются «благородным поведением», судьи — своим «правосудием».

VII. Утопия *Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова* (1728-1790) носит название *«Дворянин-философ»*, аллегория. М. 1769, напечатана как приложение к переводу романа Лафонтена *«Любовь Псиши и Купидона»*. 2-е издание вышло в 1796 году в Смоленске.

Это скорее философская сатира, чем социальная утопия. Она изображает скитание жителя земли по планетам, т.е. обратно тому, что делает Вольтер, когда житель планеты Сириус путешествовал по Земле. Автор рассматривает общие отношения людей между собою и судьбы человека на Земле. Замысел и форма трактования сюжета в духе Вольтера — это «Микромегас» на выворот. Хотя Дмитриев-Мамонов последовательный вольтерианец, но саркастическая

веселость фернейского мудреца вытеснена безысходным пессимизмом. Русское вольтеррианство — мрачно и безнадежно¹⁾.

Я привел только более значительные русские произведения утопического характера с более определенно выраженным настроением. В ту эпоху появлялись и другие менее характерные произведения этого рода. Сиповский насчитывает до двух десятков романов с политическим и социально- философским содержанием.

¹⁾ Содержание этой «аллегии» приведено разыскавшим ее *В. В. Сиповским*: «Очерки из истории русского романа», т. I, вып. I (XVIII в.). Спб. 1909.

Глава IV.

ПЕРЕВОДНЫЕ УТОПИИ.

В том же XVIII веке в России начали появляться переводные романы, а среди них и утопии. Первоначально переводили мало. Екатерининская эпоха как бы сразу открыла подземный фонтан. В то время, когда с начала XVIII века за первые шесть десятилетий едва появилось около полутора десятка переводов, в царствование Екатерины их вышло, по подсчету Н. Белозерской, около 540¹⁾.

Европейская утопическая литература в переводах появляется у нас с сороковых годов XVIII века.

Первым по времени, — а мы рассматриваем их здесь в порядке хронологического появления их в России, — переводится у нас «Телемак» наиболее популярного в России утописта — в 1747 году. Это произведение²⁾ было издано в течение XVIII века девять раз в пяти разных переводах³⁾.

Вторым утопистом, ставшим известным русскому читателю, был Джон Берклей, автор «Аргениды», изданной по-русски в 1751 г.⁴⁾ Затем следовали переводы «Утопии» *Томаса Мора*⁵⁾, повидимому, недошедшие до широких слоев читателей.

¹⁾ См. монографию Н. А. Белозерской «В. П. Нарезный». Спб., 1896, изд. 2-е, ч. I, стр. 32.

²⁾ Утопия «*Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse*», 1698, была составлена архиепископом Франсуа де Салиньяк де ла Мот де Фенелоном в назидание его воспитаннику внуку Людовика XIV — герцогу Бургунскому и скорее принадлежит к типу дидактических политических романов.

³⁾ По подсчету В. В. Сиповского: «Очерки по истории русского романа», т. I, в. I (XVIII в.). Спб., 1909, стр. 153. Перевод 1747 г. озаглавлен «Похождения Телемака, сына Улисса».

⁴⁾ *John Barclay: Argenis figuris aeneis etc.* 1611.

⁵⁾ Томаса Мориса «Картина всевозможного лучшего правления или Утопия», в 2 ч., перев. с французского. Спб., 1789. *Томаса Мориса: «Фило-*

Потом идет Рамзай¹⁾.

Таким образом русский читатель второй полов. XVIII в. мог в полной мере ознакомиться по-русски с произведениями европейской утопической литературы. Если добавить к этому ранее отмеченное значительное число произведений того же типа, написанных по-русски, то нельзя не признать, библиотечка утопизма получается вполне приличная и во всяком случае более богатая, чем та, которою мог располагать читатель в следующем столетии.

Несколько раньше появилась утопия *Гольберга*²⁾, а через одиннадцать лет утопия *Галлера*³⁾, затем еще раз переиздававшаяся.

софа Рафаила Гитлода странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого острова Утопии», перев. с английского. Сиб., 1790.

¹⁾ *Рамзай*: «Новое Киронаставление, или путешествие Кира, с изложенными разговорами о богословии и баснотворчестве древних», с франц. пер. *Авраам Волков*, 2 ч. М. 1765. 2-е издание исправленное по английскому подлиннику под заглавием: «Новая Киропедия». М. 1785 и 3-е издание. М. 1820.

²⁾ *Гольберг*: «Николая Клима подземное путешествие». Спб. 1762 (*Holberg*: «Nic. Klimi inter Subterraneum». 1741).

³⁾ *Галлер*: «Плоды трудов прозаических сочинений». Спб., 1783-84, 2-е изд. в 1793 г. Здесь объединены в одном издании оба романа Галлера (*Haller*) «*Uson*g», 1771 и «*Alfred*», 1774.

Глава V.

УТОПИИ XIX и XX В.В.

1. Ф. Булгарин, Вельтман, кн. В. Ф. Одоевский.

Перегородки между столетиями не всегда совпадают с календарными датами. Так, первая четверть 19 века по своему типу и духу ближе к 18 столетию. Новый век начинается с подавления восстания декабристов и длится до февральской революции 1917 года. Это одно сплошное по однообразию бескрасочное время. И надо удивляться силе творчества, которая при однотонной серой мути находила возможность выявиться. Она развивается обратно пропорционально политической реакции, оправдывая слова: «чем ночь темней, тем звезды ярче». Наивысшего напряжения утопизм достигает к концу сороковых годов в лице князя Одоевского и Бутаевича-Петрашевского.

Идеалист Одоевский — представитель отечественной утопии, наиболее фантастическая утопия Запада — фурьеризм — воплотилась в Петрашевском. Им предшествуют свои подготовительные течения.

Нить отечественной утопии как бы обрывается отечественной войной. Активные элементы после войны, вернувшись на родину, стремятся осуществить свою политическую утопию, так безжалостно смятую на Сенатской площади организационным неведением и пушками Николая.

Реакционные элементы, чуждаясь жизни, забавляются мечтательством. В год, когда северный и южный центры декабристов уже замышляют активное выступление, талантливый мракобес и вдохновитель реакции Фадей Булгарин пишет свою утопию, навеянную руссоистом Луи Сebaстьяном Мерсье и плоским немецким утопистом Юлием фон Фоссом, в чем он и сам сознается.

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859 г.г.), издатель «Северной Пчелы», был плодовитым журналистом. В 1824 г. он сочинил «Правдоподобные небылицы или странствования по свету в двадцать девятом веке», напечатанные в «Литературных листках» в том же году.

«Небылицы» изложены в виде диалога между автором («я») и «профессором», уверенным, что «человечество беспрестанно стремится к совершенствованию в нравственном отношении».

Действие происходит в монархическом и православном городе «Надежине» в Сибири в 2824 году. Центром внимания автора являются технические изобретения будущего и расцвет наук. Общественные нравы и учреждения рассматриваются только с точки зрения «человеколюбия и прав собственности». Социальный элемент отсутствует. Из Сибири автор попадает в г. «Пирри» — «столицу Полярной Империи», где тоже высокоразвитая техника и полный расцвет науки совмещается с консервативными устоями жизни. Председатель Полярной Академии и самоедский принц ведут добродетельные с точки зрения прописной морали и Управы благочиния разговоры. Утопия Булгарина читается с трудом и без интереса, она и прошла, повидимому, совершенно незамеченной как читающей публикой, так и литературной критикой.

В тридцатых годах выступил литератор *Вельтман*, (1800-1870), которого за его роман «3448 год» причислили к русским утопистам. Роман «3448 год, рукопись Мартына Задеки», появился в Москве в 1833 г. и вызвал отзывы в «Молве» (1834 г.) и «Московск. Телеграфе». Здесь характер утопии носит только одно заглавие, повидимому, и смутившее историка русской литературы Сакулина, который ошибочно отнес «Мартына Задеку» к числу утопий. Между тем, это вульгарная мелодраматическая фантазия из быта царей и пиратов, неопределенная по месту и времени, ни в какой мере к утопиям не относящаяся.

Начало 40-х годов совпадает с расцветом литературной деятельности князя Владимира Федоровича Одоевского, одного из выдающихся русских писателей 40-х годов, кото-

рого высоко ценили и Пушкин, и Белинский, да и все русское общество. Его мировоззрение и руководящие идеи его творчества внимательно и любовно изучил недавно проф. Сакулин в обстоятельной монографии¹⁾.

«4338 год, Петербургские письма» кн. Одоевского напечатаны в «Утренней Заре», альманахе на 1840 год, изданном В. Владиславлевым (второй год).

В пяти письмах попавший якобы в 4338 году в Петербург студент-китаец Цунгиев посылает в Пекин своему школьному товарищу описание Петербурга «центра русского полушария и просвещения». Воздухоплавание и ряд других технических усовершенствований, как, напр., система государственных теплохранилищ с системою труб, — в полном разгаре. Россия в центре просвещения и всемирной моды, которая захватила все страны, не исключая Китая. У китайцев — все «на русский манер: и платье, и бычаи, и литература». На берегах Невы величайший и редчайший музей с зоологическими и ботаническими садами, громадным аквариумом и собраниями всяких редкостей, библиотекой и лабораториями. Одоевский стоит на высоте европейской науки и литературы. Он основательно знаком с лучшими ее образцами и живо интересуется важнейшими проблемами. Он пришел подготовленный школою «любомудров», сыгравшею такую видную роль в русском развитии 20-х годов. Отсюда его проникновенное знание отца идеалистов и родоначальника социализма Платона. Отсюда и склонность его к новаторству и мессианству. Гете, Жан Поль Рихтер и Гофман были сродни по духу Одоевскому²⁾.

Утопия Одоевского — заключительная часть трилогии, оставшейся в набросках. Она описывает Россию в 44 веке. Содержание утопии не заимствовано, если не считать заглавия, ведущего начало от утопии Мерсье «2440 год» (L'an

¹⁾ П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, т. 1, М. 1913 г.

²⁾ Проф. Н. Ф. Сумцов: князь В. Одоевский, Харьков. 1884 г. То же утверждают и Сакулин и Скабичевский (Сочин. т. I).

2440, rêve s'il en fut jamais, 1771). Написана она в спокойных и светлых тонах, полна веры в будущее России и одушевлена надеждою, что Россия станет со временем центром мирового просвещения. Центром интереса и внимания является идея культурного значения просвещения. Просвещение, по Одоевскому, это центральный рычаг прогресса, причем социальной и политической стороной жизни Одоевский не интересуется, вся сила внимания направлена на развитие науки и техники. Будущее рисуется нашему автору, как «полная победа человека над природой».

Прогресс человечества выразится почти исключительно в успехах науки. В этом смысле произведение Одоевского похоже на романы Жюль Верна. Изобретения и открытия в области точных наук его особенно интересуют. Авиация, магнетизм, цветная фотография — вот пища для его фантазии. Даже создание своей утопии Одоевский объясняет видением будущего в состоянии сомнамбулизма, которым в те годы начали увлекаться.

В 44 столетии земной шар разделится на две части между Россией и Китаем, причем преобладать будет первая, которая станет центром всемирного просвещения. Это создастся в силу высокой организации науки, которая впервые синтезируется.

Для достижения этого объединения, столь важного для дальнейшего развития науки, организована особая система кооперации ученых и поэтов, философов и естествоиспытателей, создающая возможность необычайного творчества и продуктивности. «Это единство направления ученой деятельности, — рассказывается в утопии, — принесло обществу плоды неимоверные; явились открытия неожиданные, усовершенствования почти сверхъестественные». Все ученые образуют «Постоянный Ученый Конгресс», имеющий общие, почти ежедневные собрания и распадающийся на несколько академий по специальностям. В распоряжении ученых — ряд вспомогательных учреждений, образующих целый город, здесь целый конгломерат богатейших музеев и лабораторий, зоологических и ботанических садов и прочее.

Наука пользуется всеобщим уважением и не только общедоступна, но входит в плоть и кровь гражданственности. Для того, чтобы выдвинуться в обществе или приобрести благосклонное внимание девушки, молодой человек должен озаглавить себя «важным открытием в какой-либо отрасли познания», до чего он считается «недорослем». В итоге прогресса науки человечество приобретает почти полную власть над природой. С помощью сложной системы теплохранилищ, устроенных на экваторе со станциями в каждом городе русского государства, русские сумели видоизменить суровый климат северного полушария. Огнедышащие горы холодной Камчатки превращены в постоянные горны для нагревания Сибири. Успехи химии позволяют нагревать и расхолаживать атмосферический воздух, а особые гигантские вентиляторы изменяют направление ветров и метелей. Наука и техника доходят до такого высокого совершенства, что русским ученым удастся предотвратить мировую катастрофу — столкновение земли с кометой Биэля, а также установить прочное сообщение с Луной.

Способы сообщения в корень изменились, лошади выродились до размера комнатных собачек, железные дороги исчезли. Ездят на электроходах и различного типа аэроптатах.

Люди избороздили землю туннелями, по которым с быстротою молнии движутся электроходы. Ипполит Цунгиев мчится сквозь Гималайский и Каспийский туннели. Седой Каспий шумит над его головой. «Теперь, теперь, — слушай и ужасайся!» — продолжает он описывать свое путешествие по России; — «я сажусь в русский гальваностат»!

«Увидев эти воздушные корабли, признаюсь, я забыл и увещание деда Орлия, и собственную опасность, и все наши понятия об этом предмете. Воля твоя — летать по воздуху есть врожденное чувство человека. Конечно, наше правительство поступило основательно, запретив плавание по воздуху; в состоянии нашего просвещения еще рано было нам и помышлять об этом; несчастные случаи, стоившие жизни десяткам тысяч людей, доказывают необходимость

решительной меры, принятой нашим правительством. Но в России совсем другое; если бы ты видел, с какою усмешкою русские выслушивали мои опасения, мои вопросы о предосторожностях... Они меня не понимали! Они так верят в силу науки и в собственную бодрость духа, что для них летать по воздуху то же, что нам ездить по железной дороге».

Гальваностат («воздушный шар, приводимый в движение гальванизмом») или азростат подлетает к «платформе высокой башни, находившейся над гостиницей для прилетающих». Почтальон закидывает несколько крюков к кольцам платформы, спускает лестницу, пассажир сходит на платформу, дергает за шнурок и вместе с платформой тихо опускается в общую залу гостиницы.

Жилища в 44-м веке будут верхом роскоши и комфорта. Разные технические усовершенствования превратят дома в мир чудес. «На богатых домах», описывает Цунгиев, «крыши все хрустальные, или крыты хрустальною же белою черепицею, а имя хозяина сделано из цветных хрусталей. Ночью, когда дома освещены внутри, эти блестящие ряды кровель представляют волшебный вид; сверх того, сие обыкновение очень полезно — не так, как у нас, в Пекине, где ночью сверху никак не узнаешь дома своего знакомого, — надобно спускаться на землю».

Рассказчик ведет нас в дом первого министра. У него «прекрасный крытый сад, который служил министру приемною. Весь сад, засаженный редкими растениями, освещался прекрасно сделанным электрическим снарядом, в виде солнца. Мне сказали, что оно не только освещает, но химически действует на деревья и кустарники; в самом деле, никогда мне не случилось видеть такой роскошной растительности». Виртуоз-садовник путем скрещивания умел выращивать самые причудливые виды плодов. Одежду носят из «эластического стекла», из «тонкого паутинового сукна» и других оригинальных тканей. «Дамы были одеты великолепно, большею частью в платья из эластического хрусталя разных цветов; по иным струились все отливы радуги, у других в ткани были заплавлены разные металличе-

ские кристаллизации, редкие растения, бабочки, блестящие жуки. У одной из фешionaбельных дам в фестонах платья были даже живые, светящиеся мошки, которые в темных аллеях, при движении, производили ослепительный блеск; такое платье, как говорили, здесь стоит очень дорого, и может быть надето только один раз, ибо насекомые скоро умирают». Так как ждали появления кометы, то «некоторые из дам носили уборки *à la comète*; они состояли в маленьком электрическом снаряде, из которого сыпались беспрестанные искры. Я заметил, как эти дамы из кокетства старались чаще уходить в тень, чтобы пощеголять прекрасною электрическою кистью, изображавшею хвост кометы, и которая как бы блестящим пером украшала их волосы, придавая лицу особенный оттенок». Пища также совершенно не похожа на современную. Путешественник, только что прибывший на гальваностате, заказывает себе такой обед: «Дайте мне хорошую порцию крахмального экстракта на спаржевой эссенции; порцию сгущенного азота *à la fleur d'orange*, ананасной эссенции и добрую бутылку углекислого газа с водородом...». Между тем к эластическому дивану на золотых жердях опустили с потолка опрятный стол из резного рубина, накрыли скатертью из эластического стекла; под рубиновыми колпаками поставили питательные эссенции, а кислоугольный газ в рубиновых же бутылках с золотыми кранами, которые оканчивались длинною трубкою». Цунгиев видел в саду первого министра небольшие графины с золотыми кранами; гости брали эти графины, отворяли краны и втягивали в себя содержащуюся в них ароматную смесь возбуждающих газов. «Эти газы совершенно безвредны, и их употребление очень одобряется медиками; этим воздушным напитком здесь в высшем обществе совершенно заменились вина, которые употребляются только простыми ремесленниками, никак не решающимися оставить своей грубой влаги». К услугам людей будут «магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии разговаривают друг с другом», цветная фотография, стеклянный папирус взамен теперешней писчей бумаги. Будут устроены «часы из

запахов», так что станут говорить: «час кактуса, час фиалки, резеды, жасмина, розы, гелиотропа, гвоздики, мускуса, ангелики, уксуса, эфира».

Общественные развлечения изменяют свой характер. Театр, как устарелая форма, отмирает, роль музыки усиливается, появляются совсем новые формы наслаждений: «магнетическая ванна», приводящая людей к излишней откровенности, «скрытая музыка» и пр. Соответственно всему изложенному, изменяются и образ жизни и обычаи.

Социальный строй в утопии Одоевского далек от демократизма и какого бы то ни было равенства.

«Вся утонченная роскошь, все материальные блага, все завоевания науки» — идут на улучшение быта немногих «счастливых». Социальная дифференциация осталась, труд не стал обязательным, праздность не упразднилась.

Политическая организация страны монархическая, но монарх это «первый поэт страны». Ему помогает ряд министров, из которых важнейший «министр примирений». Это первый сановник империи, причем должность его наиболее трудная. Под его ведением находятся «мировые судьи», компетенция которых особенно обширна, вплоть до вмешательства в мельчайшие семейные дела¹⁾.

Таким образом, утопия Одоевского лишена социально-политического элемента, который дает содержание всякой утопии.

Это не могли не видеть исследователи. Лучше всех изучивший Одоевского Сакулин так и характеризует утопизм. «В противоположность французской “Русская Икарня”, — как неверно именует «4338 год» Сакулин, — почти совершенно обходит социальный и политический вопросы. Если не считать “Коммунистического меню” (в столовых), основанного на правилах настоящей нравственной математики, то в общественном и политическом отношениях Рос-

¹⁾ Многие из приведенных деталей отсутствуют в напечатанном в 1840 году отрывке и впервые опубликованы Сакулиным, как выборки из сохранившихся тетрадей кн. В. Ф. Одоевского.

сия 44 столетия Одоевского ничем существенным не разнится от России тридцатых годов XIX в.». Одоевский сам предчувствовал обыденность своей утопии и как бы оправдывался замечанием, что «люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира». Изменяются только «формы мыслей и чувств», а в особенности «физический быт».

Итак, «воображение Одоевского не слишком далеко унесло его за пределы Николаевского государства». Его идеальная Россия сохраняет в полной неприкосновенности классовый принцип, существующее неравенство, бюрократическую организацию и монархизм. Николаевская Россия более всего была способна создать именно *бюрократическую* утопию, утопию без социальных реформ и без народа, как главного агента истории»¹⁾.

Такова была утопия одного из лучших и возвышеннейших русских идеалистов. Идеалистическое мировоззрение вообще оказалось глухо к страданиям дня, к тяжкому быту народа, ко всей царившей социальной и политической неправде. Оно ничего реального не видело и потому ничего реального и не дало.

Иной уклон получился после проникновения в Россию материалистических тенденций. Они еще были тесно связаны с утопизмом.

2. Н. Г. Чернышевский.

Утопизм теперь вспыхивает с новой силой в сочинениях *Н. Г. Чернышевского*; это был утопизм в лучшем и широком смысле этого слова, философски и экономически обоснованный. Г. В. Плеханов в своем капитальном труде о Чернышевском вскрыл и точно определил сущность и

¹⁾ Сакулин, П. Из истории русского идеализма. Том I, ч. II. М. 1913, стр. 200.

границы « социализма» Чернышевского¹⁾. Он доказал, что мы имеем здесь дело с утопизмом и притом в той его постановке, которую он получил в Европе в самый канун выявления марксизма. Этот этап был, как известно, уже настолько родственен и близок к воззрениям Маркса и Энгельса, что некоторые склонны были признавать Чернышевского переходною ступенью между утопическим социализмом и научным²⁾ или даже отрицать наличность утопизма³⁾.

«Мысль Чернышевского, — говорит Плеханов, — еще не вышла за пределы утопического социализма, хотя в этих пределах она обнаружила громадную ясность, смелость и критическую силу».

К кому из западных утопистов был ближе всего Чернышевский? Сен-Симон и сенсимонизм был чужд нашему писателю. В одной из своих статей о «менильмонтанском семействе» Чернышевский почти осудил сенсимонизм. В своем романе «Что делать?» из «жизни новых людей» (1863 г.) в главе «Четвертый сон Веры Павловны» Чернышевский симпатичными красками рисует опозитизированный им фаланстер Фурье, но все же сам автор не фурьерист. Ему ближе всего идеи третьего великого утописта англичанина Роберта Оуэна, а также Луи-Блановские идеи «организации труда» при помощи ассоциации производителей⁴⁾.

¹⁾ Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский, СПб. 1910.

²⁾ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, (1828-1889) СПб. 1909.

³⁾ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. 2 изд. Том II.

⁴⁾ «По характеру своего ума, преобладающей чертой которого являлась рассудочность, Чернышевский более склонен был сочувствовать тем из великих основателей социалистических систем, которые меньше поддавались увлечениям фантазии. Так, например, Роберт Оуэн был, несомненно, ближе к нему, нежели Фурье». Плеханов. Н. Г. Чернышевский, СПб. 1910, стр. 302.

Вере Павловне снится судьба женщины в виде аллегорических фигур Астарты, Афродиты, Непорочной Девы, новой Элоизы. Ряд символических женских силуэтов проплывает перед нею, выясняя каждая смысл своей жизни. Каждый новый образ — шаг в смысле улучшения положения женщины и новый этап в деле ее духовного возвышения. Последняя ступень — женщина в коммунистическом строе, женщина фаланстера.

Вот во сне и самый фаланстер.

«Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах, — или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсинные деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи — это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, — да, рощи те же, как и теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же — только они остались те же, как теперь. Но это здание, — что ж это, какой оно архитектуры? теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, — дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены: а там внутри уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, — а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! его каменные стены — будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это

такое? серебро? платина? да и мебель почти вся такая же, — мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего же вся остальная мебель, потолки и полы? Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю, это алюминий... он рано или поздно заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же это все богато! везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия. Повсюду южные деревья и цветы: весь дом — громадный зимний сад...

По нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети, все вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много. Больше половины детей осталось дома заниматься хозяйством; они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть. Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какой работой они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не итти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины, — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами; и как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он, — как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь!..

Но вот работа кончена, все идут к зданию. Войдем опять в зал, посмотрим, как они будут обедать... Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами, — столы уж накрыты, — сколько их! Сколько же тут будет обедających? да человек тысяча или больше... “здесь не все; кому угодно, обедают особо у себя”; те старухи, старики, дети, которые не выходили в поле, приготовили все это;

готовить кушанье, заниматься хозяйством, прибирать в комнатах, — это легкая работа, которою следует заниматься тем, кто еще не может или уже не может делать ничего другого». Великолепная сервировка: все алюминий да хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами, блюда уж на столе, вошли работающие, все садятся за обед, и они, и готовившие обед. А кто же будет прислуживать? Когда? во время стола? зачем? Ведь всего пять-шесть блюд: те, которые должны быть горячие, поставлены на таких местах, что не остынут; видишь в углублениях, — это ящики с кипятком; поданный обед — это обыкновенный; кому угодно, тот имеет лучше, какой угодно, но тогда особый расчет; а кто не требует себе особенного против того, что делается для всех, с тем нет никакого расчета. И все так: то, что могут по средствам своей компании все, за то нет расчетов; за каждую особую вещь или прихоть, — расчет».

«Дом в центре бывшей пустыни; а теперь все пространство уже обращено в благодатнейшую землю, такую же, какую была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она “кипит молоком и медом”. Некоторые работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно.

Фаланстеры — громадные здания, в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице. “Спустимся к одному из них. Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. Они потому из алюминия, что ведь здесь очень тепло, белое меньше разгорячается на солнце, это несколько дороже чугуна, но по здешнему удобнее”. Но вот, что они еще придумали: на дальнее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на полверсты кругом него, растянута белая полог. “Он постоянно обрызгивается водой: — видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно, ты видишь,

они изменяют температуру, как хотят”. — А кому нравится зной и яркое здешнее солнце. “Ты видишь вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно”. — Значит, остались города для тех, кому нравится в городах. “Не очень много таких людей, городов осталось меньше прежнего, — почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней и в других центрах сообщений. Эти города больше и великолепнее прежних: все туда ездят на несколько дней для разнообразия, большая часть их жителей беспрестанно меняется, бывает там для труда, на недолгое время”...

Опять такой же громаднейший, великолепнейший зал. Вечер в полном своем просторе и весельи прошел; уж три часа после заката солнца: самая пора веселья... Как ярко освещен зал, чем же? — Нигде не видно ни канделябров, ни люстр: ах, вот что, — в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет; — конечно, такой он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, — ну, да это электрическое освещение. В зале около тысячи человек народа, но в ней свободно могло бы быть втрое больше. И когда приезжают гости, бывает и больше...

Это не бал, а простой будничный вечер... У них крепкие нервы, способные выдержать много веселья... Счастливые люди!.

Такие люди могут вполне веселиться и узнать весь восторг наслаждения... Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты. Все они, счастливые красавцы и красавицы, ведут вольную жизнь труда и наслаждения... Шумно веселится в громадном зале половина их, а где же другая половина?..

Они везде: многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями, — как нравится кому. Иные рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке, иные в аллеях сада, иные в своих комнатах, или чтоб отдохнуть наедине или со своими детьми, но больше, больше всего — это моя тайна...

...Вы видели, в зале, как горят щеки, как блистают глаза... Вы видели — они уходили, они приходили... Они уходили, — это я (любовь) увлекала их; здесь комната каждого и каждой — мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавеси дверей, роскошные ковры, поглощают звук; там тишина, там тайна...

...Они возвращались, — это я возвращала их из царства моих тайн, на легкое веселье. Здесь царствую я (любовь). Я царствую здесь. Здесь все для меня. Труд — заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я — цель жизни, здесь я — вся жизнь»...

Таково опоэтизированное описание фаланстера. Сам Чернышевский не был фурьеристом, это течение в шестидесятых годах уже прошло, уступив место увлечению организацией ассоциаций.

Фурьеристский вариант утопизма распространялся в России в дни революции 1848 г. Петроградская интеллигенция была увлечена пропагандой наиболее за нее пострадавшего Мих. Вас. Буташевича-Петрашевского. Трагическая судьба «петрашевцев» общеизвестна. Они не оставили литературного выражения своих идей. «Карманный словарь» Кириллова — единственное литературное произведение Петрашевского — сухое дидактическое произведение. Зато глава группы, — сам Петрашевский, — сделал попытку устроить в своем имении первый русский фаланстер. Попытка окончилась полною неудачей. В ночь перехода крепостных Петрашевского в новое коммунистическое жилище крестьяне сожгли строение.

3. «Красная Звезда» А. А. Богданова.

Шестидесятыми годами заканчивается период развития европейского утопизма. С середины семидесятых годов проникают новые марксистские идеи, а под влиянием общих условий общественное движение становится рево-

люционным и политическим. Новое движение уже чуждо утопизму. Русские революционеры с середины 70-х годов переходят к борьбе, к делу, к активности. Это уже был разрыв с утопизмом и подготовка почвы для идеалов научного социализма. Оставалось только строже провести программу Маркса и Энгельса, превратив ее в боевой лозунг. Это и сделала «Группа освобождения труда» в начале 80-х годов во главе с Г. В. Плехановым. Из народнического революционного движения выделилась чисто марксистская группа, заложившая фундамент русской социалдемократии. Это было равносильно полной идейной ликвидации утопизма. Утопии остались только как занимательное беллетристическое чтение.

Тот же характер получила и появившаяся, кажется впервые в 1905 году, утопия А. А. Богданова «Красная Звезда» и прошедшая совершенно незамеченною. В отличие от предшествовавших ей русских утопий «Красная Звезда» — утопия *социалистическая*, но, как и все русские утопии, чуждая трактовки социального сюжета. Как всегда в России — вопросы морали и техники стоят на первом плане. Написанная в мягких акварельных тонах, утопия Богданова рассказывает о первых попытках жителей Марса переселиться на планету «Земля», где они рассчитывают найти больший для себя простор. Вопрос о технике переезда и анализ создающихся отношений занимает центральное место в книжке, переизданной в 1918 году¹⁾, и также мало обращает на себя внимание и критики и рабочих кругов, хотя последние были отчасти подготовлены к ее восприятию изданием в переработке Николаева утопии Беллами, охотно читавшейся в рабочих кварталах Петербурга перед войною 1914 года.

¹⁾ Ее продолжением является вторая утопия А. Богданова: «Инженер Менни», 1919. Обе утопии Богданова интересны сами по себе, но в них не чувствуется, что они созданы в грозные дни социального урагана. Отсюда безличность и неопределенность этих произведений.

Канун обеих русских революций — малой 1905/6 г.г. или «генеральной репетиции» и Великой — обошелся поэтому без утопий. Так не оправдалось обычное определение утопий, как «буревестников истории» и герольдов, возвещающих наступление новой эры. Катастрофический революционный ураган пронесся над страной без захватывающей красоты утопий.

Между тем, утопическая дымка скрашивает суровую серость обыденной жизни.

«Если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой»...

Иступленным безумцем была вся страна, ее беднота и пролетариат, ее героические вожди, полные пламени и воли, перед удивленным взором всего мира творившие утопию в жизни. В кровавом тумане раскрывались жемчужные дали новых социальных горизонтов. В борьбе и муке, в слезах, в крови и проклятиях рождалась новая правда. И только тот, кто забудет ужас жизни и, духовно высоко поднявшись, оглянется назад, с объективных высот истории на Великую Русскую Революцию, столь утопическую и столь глубоконациональную, поймет все величие революционной грезы. Русская действительность, серая и безнадежная, впервые прорезана острыми контурами первой величественной утопии новейшей истории — утопии новой социальной жизни. И неважно, что сказка будущего остается недосказанной, неважно, что ее, быть может надолго, окутал туман мещанской прозы: важно то, что она была высказана, намечена и поставлена. Русская «утопия» — этап в мировом развитии, незабываемый и неизгладимый. В этом ее ценность, заслуга и поучительность.

ЛИТЕРАТУРА.

1. С и п о в с к и й, В. В. — Из истории русского романа, т. I. СПб. 1909.
2. Ч е ч у л и н, Н. Д. — Русский социальный роман XVIII века, в Ж. М. Н. Пр., за 1900 г., кн. I и отдельно, 1 изд. СПб., 1900, 53 стр.; 2 изд. СПб., 1900, 69 стр. (о Щербатове).
3. К и з е в е т т е р, А. — «Русская утопия XVIII в.». Статья в сборнике: «Помощь», 2 изд., 1903. Перепечатана в его «Исторических Очерках». М. 1912.
4. М я к о т и н, В. А. — «Дворянский публицист Екатерининской эпохи». В книге: «Из истории русского общества». СПб., 1907, кн. 1, стр. 197-262.
7. П ы п и и, А. Н. — Полузабытый писатель XVIII века (сочинения М. М. Щербатова, т. I). «Вестник Европы» за 1896 г., кн. ноябрь.
8. С е м е в с к и й, В. П. — Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909 (о масонских утопиях, — стр. 19 и след.).
10. Б о г о л ю б о в, В. — Н. И. Новиков и его время. М., изд. Сабашниковых. 1916 г. (О Щербатове, стр. 157-164.)
11. С а к у л и н, Н. Н. — Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, том I, часть II, М., изд. Сабашниковых, 1913.
12. Л я щ е н к о, А. — К истории русского романа. Публицистический элемент в романах Ф. А. Эмина (из «Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1897-98»). СПб. 1898.
13. Б л а г о с в е т л о в. — Исторический очерк русского прозаического романа. В журн. «Сын Отечества», за 1850 г., № 28.
14. Б е л о з е р с к а я, Н. А. — В. Н. Нарезный, изд. 2, СПб., 1896.
15. П ы п и н, Н. А. — Для любителей книжной старины. М. 1888.

16. С у м ц о в, Н. Ф. проф. — Князь В. Одоевский, Харьков, 1884.
17. О д о е в с к и й, В. Ф. князь. «4338 год. Петербургские письма. От Ипполита Цунгиева, студента Главной Пекинской школы, к Лингину, студенту той же школы» в Альманахе В. Владиславлева: «Утренняя Заря» на 1840 г., стр. 307-352.
18. Щ е р б а т о в, М. М. князь. Сочинения, 2 т. СПб. 1898.
19. Б у л г а р и н, Ф. Б. «Правдоподобные небылицы или странствования по свету в двадцать девятом веке». В «Литературных листках» за 1824 г. 17-20; 23-24.

Приложение

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ИЕЗУИТОВ В ПАРАГВАЕ В XVII И XVIII СТ.

Проф. В. В. СВЯТЛОВСКИЙ

**КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
ИЕЗУИТОВ в ПАРАГВАЕ
в XVII и XVIII ст.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ К ЗНАНИЮ“
ПЕТРОГРАД — 1923

Профессору

Михаилу Васильевичу Серебрякову

на память

многолетних дружеских отношений

ВВЕДЕНИЕ

I

Коммунистическое государство в Южной Америке — это не мечта и не ирония, не парадокс прошлого, а нечто реальное, действительное, осуществленное, продержавшееся в Южной Америке более полутора столетия. Государство иезуитов возникло в начале XVII в. и держалось до середины XVIII столетия, и, как это видно из ряда исторических документов и материальных свидетельств, представляло собою нечто интересное и своеобразное.

Почему же мы, русские, совсем не знаем этого государства, этого интересного и поучительного опыта практического осуществления коммунизма, этой одной из любопытнейших, но, увы, забытых страниц всемирной истории? Причины такого незнания понятны.

Мы не были осведомлены об этом парагвайском эпизоде, во-первых, потому, что крупнейшие события старого времени быстро и легко сглаживались в памяти людей, во-вторых, потому, что коммунизм в Южной Америке осуществлялся как раз в те дни, когда Россия не только была далека от социализма, но когда самое внедрение в русский быт начал европейского строя еще являлось далеким идеалом даже для немногих тогдашних передовых людей.

Парагвайский коммунизм возник как раз в то время, когда с треском падали исторические декорации самобытного московского царства, красочного и оригинального в своем полувосточном укладе, и вместо них тиранически водружались европейские шаблоны «императорского», «Петербургского» периода.

Помните, как тихо кончал свое царение «тишайший» Алексей Михайлович, «великий государь всея Руси», как надвигался канун бурной Петровской эпохи, как кроваво воцарялся и с «презельною горячностью» действовал, и

как, наконец, тяжело сходил в могилу первый, действительно, великий европеизатор России?.. помните, как за его зловещей тенью шумно промелькнул пестрый и легкомысленный карнавал шести ближайших бездарных преемников гениального самоучки-новатора?..

Словом, это был тот более чем полувековой период, время между серединой XVII и половиной XVIII столетий, — когда России было не до дел в Новом Свете и не до коммунистических идей. Между тем, как раз в это время, в Южной Америке возникало целое коммунистическое государство, возникновение и судьбы которого вскоре привлекли всеобщее внимание. Проследим же его зарождение и устройство.

II. Испанская колония Парагвай

В 1516 году испанец Дон-Хуан Диас-де-Солис открыл на севере Ла-Платы устье большой реки Параны и завоевал лежащие по течению этой реки плодородные территории, получившие название Парагвая¹⁾. Диас именно «завоевал» эти территории, так как они находились в руках бродячих туземцев, полукочевых индейских племен, принадлежавших к наиболее многочисленной и развитой южно-американской группе народностей г у а р а н и. Завоевал и... был ими убит и съеден, как ряд других пионеров и миссионеров. Парагвай понемногу заселялся, а затем разделился на четыре больших провинции: Тукуман, Санта-Крус де-ла-Сиерра, Парагвай и Рио де-ла-Плата.

Спустя тринадцать лет, знаменитый мореплаватель Себастьян Кабот уже мог основать в Парагвае первый форт — Санто-Эспириту (1528 г.), а в 1536 году некий Хуан де-Айо-

¹⁾ Р е й н а л ь — R a y n a l. «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes». 3-й том, 1774, стр. 502.

лас построил столицу Парагвая — город Ассунсион, куда вскоре (1542) были назначены из Мадрида особые управители.

Так возникла в Южной Америке новая испанская колония, захватившая обширные плоскогорья и равнины между Кордильерами, Бразилией и Уругваем, по плодородным и низменным течениям громадных рек Парагвая и его многоводного притока Параны. В новой колонии, получившей наименование Парагвай, была введена, как уверяют, обычная испанская система администрации. Началась обычная в то время «европеизация» края.

Европейская культура в новых странах вводилась крестом и кнутом. Она сводилась с одной стороны — к обращению туземного населения в католичество, с другой — к превращению вольных кочевников в крепостных феодальных владений завоевателей, так наз. *к о н к в и с т а д о р о в* (conquistadores).

Тяжело было положение распределенных по имениям завоевателей поработанных туземцев. Испанцы свирепо относились к новому виду своей собственности в Новом Свете. Они мучили и истязали своих крепостных, этих своих новых рабов, непривыкших к тяжелому систематическому труду и беспрекословному повиновению.

Это учли появившиеся здесь — по одним данным, впервые в 1586, по другим в 1606 году — иезуиты, начавшие энергичную пропаганду своих идей и проведение более либеральной и гуманной политики. Мягкость иезуитов и их умение приспособиться к разнообразным местным условиям способствовали глубокому внедрению в Парагвае влиятельнейшего католического ордена, ведшего в каждой стране свою особую политику. Здесь, в дебрях Южной Америки, вдали от европейского, да и вообще от всякого цивилизованного мира, иезуиты выступили в качестве социальных реформаторов коммунистического толка. Ареною их пропаганды были разные племена индейцев гуарани, кочевавших на обширной территории Южной Америки.

Для туземцев, вовлекавшихся в иезуитские миссии, наступило несомненное облегчение. Обращая их в католиче-

ство, отцы-иезуиты не поддерживают суровой системы феодализма, введенной испанскими завоевателями; они отстаивают политическую и экономическую свободу туземцев-христиан, воспитывая их в духе повиновения правилам религии и испанскому королю, — последнему, впрочем, номинально.

Этот либерализм раздражает, с одной стороны, свирепую и консервативную колониальную власть, вызывает, с другой, сочувствие далекой метрополии и, наконец, — что еще важнее в данном случае, — привлекает туземцев. Они охотно вступают в «редукции» — миссионерские поселения, управляемые иезуитами без вмешательства местной светской власти, испанской или португальской, смотря по колонии.

В сороковых годах XVII столетия два влиятельных члена иезуитского ордена, работавших в Парагвае, — Симон Мацета и Кательдино, разработали проект коммунистического государства и ввели в парагвайских миссиях своего ордена новое социально-политическое устройство, напоминающее по схеме идеи их соплеменника и современника, итальянского монаха-коммуниста Томазо Кампанеллы. Так в далеком от европейской цивилизации крае возникло в середине XVII века своеобразное коммунистическое государство иезуитов, единственный в эту эпоху исторический опыт, достойный внимания и изучения.

III. Парагвай и Кампанелла

Время появления в Америке отцов-иезуитов — Мацета и Кательдино — было временем, когда в старой Европе народные массы тяготились существующим строем и когда отдельные более сознательные и развитые представители новых воззрений уже начинали мечтать о переустройстве окружавшего их социального порядка. Недовольство существующим было сильно, но пути его переустройства не

были еще выяснены. О лучшей жизни, о будущем строе только робко и неопределенно мечтали.

Раздраженный угнетением богатыми помещиками-ленд-лордами деревенской бедноты, английский гуманист, канцлер Англии — Томас Мор — описал народные бедствия и, в противоположность тогдашнему порядку, изложил вымысел, фантазию, сказку, в которой рассказывалось о прекрасном устройстве страны, перешедшей на коммунистический порядок.

Имя вымышленной им страны — У т о п и и — явилось и названием книги Томаса Мора, вышедшей в свет в 1516 году, и названием той формы мечты о лучшем государственном устройстве, которая теперь стала обычной.

Прекрасною новою жизнью жили обитатели острова Утопии. Они были коммунисты, мирные и трудолюбивые. «Утопией» зачитывались, о ней мечтали, ей подражали. С этих пор вообще интересные планы будущего устройства излагались в новой создавшейся утопической литературе. Для привлечения внимания, описания нового социалистического порядка излагались в виде занимательных повестей, интересных романов и захватывающих путешествий в новые неведомые страны. Так возник новый вид литературы — у т о п и ч е с к и е р о м а н ы. В XVII веке появился ряд писателей-утопистов, рисовавших коммунистическое устройство в будущем. Отсюда ведет свое начало и первоначальная форма социализма, — мечтательного и неопределенного, — у т о п и ч е с к о г о. Таким образом родоначальником утопического социализма был английский писатель начала XVI века Томас Мор.

Вторым утопистом, видным последователем Томаса Мора, было духовное лицо Италии — монах Томазо Кампанелла.

В своем интересном сочинении «Государство Солнца» (Civitas Solis), написанном в тюрьме в 1602 году, этот калабрийский монах-коммунист набрасывает утопический план нового коммунистического общества. Здесь развиваются идеи так наз. т е о к р а т и ч е с к о г о коммунизма, при котором высшая власть в государстве принадлежит духо-

венству и который должен сменить современный Кампанелле общественный строй.

Иезуиты в Новом Свете, устроив сеть коммунистических религиозно-пропагандистских миссий, подчинили их орденскому духовенству, т. е. монашеской теократии. Хотя между идеями монаха Кампанеллы и деятельностью его врагов — «отцов-иезуитов» в Парагвае было много общего, но все же было бы ошибкой считать государство иезуитов простым воплощением идей Кампанеллы на практике. По всей вероятности, иезуиты даже не знали сочинения их гениального соотечественника, но корни воззрений как Кампанеллы, так и иезуитов были общие: они лежали в духе времени. Общие корни и семена дали сходные всходы.

Действительно, реальные условия той эпохи легко приводили религиозно настроенного и радикально мыслящего католика к тождественной идеологии, хотя Кампанелла в своем сочинении более последовательный и радикальный коммунист, чем иезуиты.

Вспомним вкратце основные положения «Государства Солнца», появившегося, кстати сказать, впервые в печати по-латыни в 1623 г. во Франкфурте, т. е. еще при жизни Кампанеллы, но спустя двадцать один год после написания.

Кампанелла требует полного и последовательного коммунизма, отрицает частную собственность не только на средства производства, но и личную, презирует деньги, благородные металлы и драгоценные камни, которые он допускает только как средства в руках государственной власти для нужд ее товарообмена с соседями. Труд в «Государстве Солнца» обязателен, но граждане — «солярии» работают ежедневно по три часа и живут в роскоши. Политической свободы нет, да в ней и нет надобности: все раз навсегда урегулировано, определено точно и неизменно.

Суровый Кампанелла, не в пример Мору, последовательно отрицает индивидуальную семью и индивидуальный брак. Он признает общность жен и право государства регулировать брачные отношения по принципам искусствен-

ного подбора. Дети — достояние общества, воспитание их государственное.

Государственное устройство — теократическое, по идеалу Фомы Аквинского; церковная иерархия играет в нем руководящую роль.

Коммунистический т е о к р а т и з м, введенный в Парагвае, не явился отражением какой-либо книжной доктрины, — по крайней мере об этом мы не имеем никаких исторических данных, но все же он невольно напоминает некоторые из идей Кампанеллы, опубликовавшего свои взгляды в первой четверти XVII столетия, т. е. ранее устройства иезуитских миссий в Парагвае. Во всяком случае, можно сказать, что государство, организованное в Парагвае отцами-иезуитами, основано на ряде сходных идей, при чем и здесь, при отрицании частной собственности и усиленной религиозности, процветает торговля и товарообмен, хотя и внешние, но все же важные и прибыльные. Иезуиты здесь выступают в роли Платоновских философов, деспотически управляющих своим государством, живущих по-монашески, но ведущих коммунистическое хозяйство. Коммунизм последователен и систематичен, на нем покоится целое государство, — поэтому-то оно и интересно.

Парагвайский опыт сыграл крупную роль в истории государственных учреждений Западной Европы, которая в ту эпоху уже тревожно искала новых социально-политических путей.

IV. Литературные источники о Парагвае

Мнения современников об этом интересном, крупнейшем и выдающемся социально-политическом эксперименте в европейской истории, длившемся к тому же около полутора столетия, резко расходились.

Многие в духе времени, т. е. в духе Жан-Жака Руссо и его многочисленных единомышленников, так называемых руссоистов, идеализировали «простые и неиспорченные

цивилизациею племени», — от инков до славян, восторженно прославляли «новое слово» отцов-иезуитов. Они видели в гуарани тех детей природы, неиспорченных и наивных, которые давали почву для создания лучшей общественной организации. Другие, наоборот, не жалели красок для порицания и осуждения. Выдающиеся теоретики высказывали по этому поводу ряд важных и интересных соображений. Суарес, Бугенвиль, Вольтер, Монтескьё, аббат Рейналь, маркиз Помбаль и другие оставили много любопытных замечаний и мыслей по этому поводу. Так, напр., всегда саркастический Вольтер на этот раз снисходителен к иезуитам. В одном из своих сочинений («Essai sur les mœurs») Вольтер говорит: «распространение христианства в Парагвае силами одних только иезуитов является в некоторых отношениях триумфом человечности». Центр тяжести его суждения — в вопросе о распространении религии, а следовательно — гуманизма.

Аббат Рейналь, учитель радикализма конца XVIII в., в своей семитомной «Истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» уделяет большое внимание Парагвайской республике (том 3-й, изд. 1777 г., стр. 300 и след.). Он дает восторженное описание иезуитской коммунистической организации, считая, что гуарани наслаждались под ее опекою земным раем. Он думает, что основная идея этого государства — «работа во славу религии, во славу гуманности». Хозяйственный строй, по его мнению, заслуживает похвалы и поощрения.

Монтескьё в «Духе Законов» (книга 4, глава 6) говорит: «На долю общества Иисуса выпала честь впервые провозгласить в этой стране идею религии в соединении с идеей гуманности... оно привлекло рассеянные в лесах племена, дало им обеспеченные средства для существования и облекло их в одежду. Всегда прекрасно будет управлять людьми для того, чтобы сделать их счастливыми».

В том же духе высказываются аббат Рейналь, Бюффон, Лессинг, Виланд и другие писатели-романтики и все, кто

исходил из теории необходимости приближения к природе.

К общему хору философов и моралистов не присоединяется только один Д е н и с Д и д р о. Знаменитый энциклопедист в этом деле пессимистичен; он считает систему иезуитов «ошибочною и деморализующей». Таковы оценка «опыта» и взгляды передовых людей XVIII века.

Социалистическая литература XX века несколько иначе относится к парагвайскому опыту. В общем она его осудила, хотя некоторые не могли не признать всей его исторической важности. «Христианская республика иезуитов, — говорит П о л ь Л а ф а р г, изучавший этот опыт по испанским литературным источникам, — вдвойне интересует социалистов. Во-первых, она рисует довольно точную картину того общественного строя, к осуществлению которого стремится католическая церковь, а во-вторых, она является еще и одним из самых интересных и необычайных социальных экспериментов, какие до сих пор кем-либо производились»¹⁾.

Но тот же Лафарг не признает Парагвайского государства — коммунистическим, а, наоборот, считает «капиталистическим государством, в котором мужчины, женщины и дети обречены на каторжную работу и наказание кнутом и, лишённые всяких прав, прозябали в равных для всех нищете и невежестве, несмотря на процветание земледелия и промышленности, несмотря на колоссальные богатства, созданные их трудом»²⁾.

Еще отрицательнее относится к этому эксперименту известный К а р л К а у т с к и й. В своей статье: «Государство будущего в прошлом» он усматривает в Парагвайской республике хитрую организацию для целей эксплуатации, созданную при помощи колониальной полити-

¹⁾ П о л ь Л а ф а р г. «Поселения иезуитов в Парагвае». Монография во II томе «Истории социализма» К. Каутского, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Русск. пер., изд. 4. Спб. 1909 г. Стр. 265.

²⁾ Там же. Стр. 289.

ки. Иезуиты просто воспользовались коммунистическими навыками индейцев для превращения их в орудие обогащения ордена¹⁾.

К мнениям Лафарга и Каутского примыкает польский социалистический писатель С в е н т о х о в с к и й, который признает Парагвайское государство — утопическим, «поросшим мхом памятником на кладбище истории», но не видит в нем коммуны, а лишь «теократический союз предпринимателей, которые превратили дикий народ в своих невольников, организовав для них коммунизм предметов потребления»²⁾.

По мнению же профессора Андрея Ф о й г т а, Парагвайское государство, как раз наоборот, подлинное коммунистическое государство, доказавшее «возможность проведения коммунизма и справедливость воззрений Платона и Кампанеллы», но только дороною ценою³⁾.

Буржуазный историк коммунизма К и р х г е й м считает, что в Парагвае — утопическая «мечта стала действительностью» и притом «идеал Кампанеллы не остался без влияния на основание Парагвайского государства», но это было искусственно построенное государство, «без жизненных задатков», «без свободы индивидуума», а потому оно и превратилось в развалины»⁴⁾.

Лучший и наиболее беспристрастный историк ордена иезуитов Бемерт, внимательно изучивший историю Парагвая, решительно высказывается в пользу понимания Парагвайских редуций, как «коммунистических общин, из которых каждая управляется патриархально, но самодержавно двумя-тремя отцами»⁵⁾.

¹⁾ Каутский, К. в журн. «Neue Zeit», том XI, стр. 684.

²⁾ С в е н т о х о в с к и й, А. «История утопий». Рус. пер. М. 1910. Стр. 90.

³⁾ Ф о й г т, А. «Социальные утопии». Рус. пер. Спб. 1906 г. Стр. 62.

⁴⁾ К и р х г е й м, А. «Вечная утопия». Рус. пер. Изд. 1902 г. Стр. 102-120.

⁵⁾ Б е м е р т, Г. «Иезуиты». Рус. пер. Москва. 1913 г. Стр. 330.

Конечно, с точки зрения современности — весь парагвайский эксперимент — громадный исторический курьез. Модернизировать или переоценивать события прошлого не приходится. Но все же мы видели, что суждения о Парагвайском государстве всегда были резко разноречивы. В этом смысле современники иезуитского эксперимента и наши современники схожи между собою. Причина этого кроется несомненно в неустойчивости, с одной стороны, взгляда на коммунизм, с другой — в незнании действительных условий жизни в Парагвайских редукциях. Только XX век подошел несколько ближе к изучению реальной действительности иезуитского государства.

Современные писатели пользуются главным образом обстоятельным трехтомным сочинением К с а в ь е Ш а р л е в у а: «История Парагвая», изданным в Париже в 1757 г., т. е. еще в дни иезуитского владычества в Парагвае, переведенным на немецкий язык и содержащим ряд ценных документов, указов и писем, вроде важного письма отца ревизора Дона Педро Фаскарда к Филиппу V Испанскому (1721).

Несколько позднее появилось критическое сочинение испанской пограничной с Парагваем колонии — ее комиссара Д о н а Ф е л и к с а д е А з а р а: «Путешествие в Среднюю Америку» (Париж, 1809), которому возражал декан кафедрального собора в Кордове Д о н Г р е г о р и о Ф у н е с, издавший в Буэнос-Айресе в 1816 году «Гражданскую историю Парагвая».

Сочинения Азара исследованы и в части опубликованы в Анналах Национального музея в Монтевидео Р у д о л ь ф о м Ш у л е р о м, под редакцией которого в 1904 г. вышел большой том: «Geografia física y esferica de las provincias del Paraguay y misiones guaranies».

На основании названных сейчас книг Шарлевуа, Азара и Фунеса, а также некоторых других позднейших авторов (д'О р б и н ь и, 1834; Д е м е р с е я, 1861; Л а - Д а р д и, 1899 и др.) составил свою монографию П о л ь Л а ф а р г, помещенную в сборнике монографий: «Предшественники социализма» (Каутского, Лафарга, Гуго и Бернштейна).

Другую группу источников пользовался Е. Г о т х е й н; «Христианско-социальное государство иезуитов в Парагвае», Лейпциг, 1883. Этот неумелый компилятор изучал преимущественно испанских авторов и, между ними, в первую очередь памфлеты против Парагвайского государства португальского министра маркиза де-Помбаля.

Все названные сочинения страдают одним общим недостатком — они пользуются недостаточно проверенным литературным материалом, сохранившимся в Испании, не касаясь архивных данных Иезуитского ордена.

Все это позволяет думать, что истина еще не совсем установлена, и что действительные черты Парагвайского государственного устройства не вскрыты с достоверностью и полнотою. Проследим происхождение и устройство этой своеобразной государственной организации.

Глава I

ИСТОРИЯ И УСТРОЙСТВО ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

I. Гуарани и конквиста эспиритуаль

Географическое положение коммунистического государства Парагвай соответствует идеалам утопии: оно изолировано от соседей и может жить особою жизнью без связи с окружающими народами. Это, как известно, всегда был основной прием утопии. Мечтатели, желавшие создать человечеству новый социальный строй, демонстрировали картину его устройства одним приемом — они помещали свое государство будущего в неведомой, недоступной стране, частью на изолированном океаном острове, где жизнь развивается самостоятельно вне связи с окружающими народами. Таковы «Атлантида» П л а т о н а, «Утопия» Т о м а с а М о р а, «Базилиада» М о р е л л и, «История севарамбов» В е р р а с а и целый ряд других утопий до и после Кампанеллы и парагвайского эксперимента.

Парагвай — плодороден, но изолирован, как Швейцария, без выхода к морю и, к тому же, почти неприступен, так как грандиозные пороги рек, являющихся единственным удобным путем в обширную страну, делают вход и водный путь в нее крайне затруднительным¹⁾.

В начале XVII века отцы-иезуиты энергично взялись за дело обращения южно-американских туземцев в католи-

¹⁾ Ср. K a r l G a r n i e r. Paraguay. Иена, 1911. Здесь же литература: B o d e n b e r g e r. Die Pampa in Westen der Sierra von Cordoba. Petermanns Mittheil. Gotha. 1879. См. также D e s o ú d, H. Geographia de la republica del Paraguay, Assuncion. 1906. F i s c h e r-T r e u e n f e l d. Paraguay im Wort und Bild. Berlin. 1906 и др.

чество. Это было не легкое дело, так как бродячие племена, в большинстве случаев каннибалы, не знали еще ни домашних животных, ни железных орудий. Рассматривая упавшего в битве врага, как пищу, они даже искусственно откармливали своих женщин для еды в подходящее время. Вот этих-то кочующих охотников и рыболовов надо было сделать оседлыми земледельцами.

Племя гуарани состояло из бесчисленного множества мелких кланов, рассеянных по всему обширному пространству. Многие кланы жили в деревнях, расположенных на краю лесов и по берегам рек. Их члены добывали себе пропитание охотой и рыбной ловлей, собиранием меда диких пчел, встречавшихся в лесах в изобилии, и первобытным земледелием. Они сеяли маниоку, из которой готовили касаву, возделывали маис и собирали жатву дважды в год, как уверяет Шарлевуа; разводили кур, гусей, уток, попугаев, свиней и собак. Оружием им служила трехгранная палица, по названию макана, и лук, который вследствие его шестифутовой длины и громадной упругости дерева, из которого он был сделан, приходилось натягивать, втыкая один конец в землю. Они с большой силой метали четырехфутовые дротики и «бодог» — глиняные шарики, величиною с орех, которые они обжигали на огне и носили в сетке. На расстоянии тридцати метров они разбивали таким шариком человеческую кость и убивали птиц налету¹⁾.

Миссионерская работа среди такого народа требовала сильной воли, героизма, находчивости, редчайшего самоотвержения. Основною политикою было завоевание душ, духовная охота, «конквиста эспиритуаль» (*conquista espiritual*), которую впервые и ранее иезуитов, а именно в 1520 г., ввел в систему в Новом Свете знаменитый доминиканец Лас-Казас и которая легла в основу гуманного испанского законодательства об индейцах (середина XVI в.). Эту систему

¹⁾ П. Л а ф а р г. «Поселения иезуитов в Парагвае» в монографиях «История социализма», т. II, рус. пер., 4 изд. Спб. 1909 г. Стр. 263 и след.

иезуиты осуществляли как среди племен гуарани, живших по течением рек Параны и Уругвая, так и среди других южно-американских народностей. В возможности их цивилизовать в ту эпоху вообще сильно сомневались. Поль Лафарг рассказывает, что епископ Ортес утверждал перед испанским двором, что индейцы «глупые создания, неспособные понять христианское учение и следовать его предписаниям».

Папа Павел III под влиянием Лас-Казаса разбирал на Римском соборе 1538 года спорный по тогдашнему времени вопрос: «люди ли индейцы или нет?» Иезуиты решили этот вопрос в положительную сторону и явились в Южную Америку как раз в период, когда «охота за краснокожими» была в полном расцвете. Проповедуемое ими новое направление, вместо физического насилия и террора — духовное завоевание, знаменитая «конквиста эспиритуаль», шло совершенно вразрез с интересами белого населения в этих колониях. Естественно, что борьба из-за индейцев между иезуитами и колонистами велась в течение XVII века с большим ожесточением. Гнездом охоты за индейцами, продаваемыми в рабство, были колонисты штата Святого Павла или «паулисты», которые не прекращали своих «похвальных» занятий, несмотря на прямое запрещение испанского короля и его наместника в Парагвае (Франциско Альвара в 1612 году). Борясь с защитниками рабов, паулисты не только изгнали (в 1640 году) из своих пределов иезуитов, но часто вторгались вооруженные на территорию иезуитских миссий, уводя индейцев-христиан для продажи в рабство. В первые годы XVII столетия в ведении иезуитского ордена находились индейцы районов рек Ла-Платы и Параны, которых они группировали в миссионерские округа («доктрины»), в пуэбло, куда индейцы бывали вынуждены укрываться от нападений португальцев и колонистов штата Сан-Паоло.

Еще в 1610 году отцы-иезуиты, Симон Мацета и Кательдино, создали первую «редукцию», первый индейский городок в Парагвае — Nuestra Sennora de Loretto, — из туземцев племени гуарани. Спустя 10 лет, т. е. к началу двадцатых годов XVII столетия, под их опекою находились уже

тринадцать больших поселений со ста или несколько более тысячами краснокожих христиан. Затем иезуиты начали проникать в плодородную страну между Уругваем и Парагваем, но здесь они столкнулись с паулистами. Кровавые набеги и тяжелое разорение редукций заставили иезуитов переселить свою паству в новые места, в долины реки Параны. Руководитель переселения, отец Монтоха (Монтеха), героически повел через громадную бездорожную страну около 12.000 католиков гуарани. 1.200 верст ужасного пути стали могилой для трех четвертей эмигрантов, но и в новых местах редукции не спаслись от набегов. Пришлось выхлопотать от мадридского правительства право вооружить краснокожих-христиан ружьями, дать им военную организацию и создать свою собственную армию. С 1639 года иезуиты уже военной силой защищали свои редукции от набегов: с армией парагвайских миссий начали считаться, но все же былая идея расширения территории до Атлантического океана и надежда на создание обширного «государства» были оставлены. Государство иезуитов не вышло из пределов равнин среднего течения рек Параны и Уругвая. В этой стране, занимавшей около 200 тыс. квадр. километров, находилось около 30 городов с 100-150 тысячами жителей. Помбаль называет это государство «республикою», а незадолго перед тем иезуитов обвиняли в стремлении организовать совершенно независимое от испанского престола государство.

В 1645 году те же М а ц е т а и К а т а л ь д и н о выхлопатывают от короля Филиппа III привилегию для Общества Иисуса и для обращаемых ими в католичество туземцев, сводящуюся к невмешательству светской власти в их колониальные дела. С этого времени можно считать иезуитское государство окончательно укрепившимся. Оно представляло собою вполне самостоятельное политическое целое, хотя и находившееся номинально под светскою властью испанского короля. Отныне начался второй период истории иезуитского государства, определенный и однообразный.

В 1691 году тиролец о. Антонио Сепп посетил это государство и дал его описание, которое в 1757 году было опубликовано по-французски, а несколько позднее (1768 г.) по-немецки, как приложение к трехтомной книге Шарлевуа по истории Парагвая¹⁾.

II. Рассказ о. Сеппа (1691)

Вот как описывает Сепп свое путешествие в государство иезуитов, куда в то время попасть можно было только трудным водным путем по порожистым течениям Параны и Уругвая на мелко сидящих и разбирающихся плотках.

«В заливе, — рассказывает Сепп, — стоят двенадцать лодок; на каждой из них находится маленькая хижина, в которой могут поместиться два-три человека. Отцы могут здесь спокойно молиться, читать, писать, заниматься наукой, как в коллегии, потому что 300 индейских гребцов, которых они взяли с собой, не шутят, не поют, не кричат и не говорят. Молчаливые, как могила, они на веслах ведут вверх маленькую флотилию через безмолвный девственный лес, который тянется по обоим берегам величественной реки. Проходит неделя, две, четыре, — не видно ни малейшего признака человеческого жилья. Наконец как будто прекращается и самый водный путь. Бешеные пороги («Salta oriental») заставляют отцов выйти на берег и делать, таща с собой лодки, мучительный обход, чтобы добраться до верховьев порогов. Но в то же время эти пороги образуют барьер, замыкающий с юга государство иезуитов». Вскоре, вечером 1-го июня 1691 г., путешественники заметили на левой стороне поселение, расположенное на возвышенности и хорошо защищенное стенами и рвом. Это

¹⁾ Ch a r l e v o i x, Xavier. Histoire du Paraguay. Paris, 1757, v. III.

редукция Япейю, самый южный город иезуитского государства и в это время резиденция его губернатора — «великого отца». «Когда утром 2-го июня отцы уже готовились сойти на берег, внезапно раздался страшный шум и грохот, как будто от угрожающего нападения неприятелей. По реке подвигаются два фрегата. Они симулируют морскую битву, непрерывно обмениваясь пушечными выстрелами. В то же время на берегу вступают в сражение два эскадрона кавалерии и две роты пехоты с таким воинственным пылом, что изумленные зрители не могут поверить своим глазам и ушам». «Блестят мушкеты, бьют барабаны, звучат рожки, флейты и тромпеты», и среди всего этого все громче раздается дикий воинственный клич индейцев, которые устремляются со всех сторон, как бы вырастая из-под земли, чтобы встретить вновь прибывших, согласно индейскому обычаю. Наконец, несмотря на этот адский шум, отцы беспрепятственно сходят на берег. Их немедленно ведут в церковь под эскортом нескольких тысяч индейцев, под радостный колокольный звон, через ряды обвитых зеленью триумфальных арок. Здесь их ждет после долгого пути через девственный лес вдвойне привлекательная картина: огромная площадь, осененная зеленью прекрасных пальм, окружена со всех сторон крытыми галлереями, за которыми возвышаются великолепные здания из камня и дерева.

Одна сторона этого четырехугольного пространства вся занята огромной площадью, к которой примыкает иезуитская коллегия. Возле коллегии находятся обширные фабрики общины, магазины, арсенал, тюрьма, прядильная мастерская для старых женщин и для тех, которые совершили какой-нибудь проступок, аптека и больница. Напротив жилище и канцелярия коррехидора, местного начальника из туземцев, помощника руководителя-иезуита. Далее идут квадратные жилища туземцев, большею частью простые однокомнатные хижины из земли и кирпича. В них не привлекательно. Здесь теснятся отец, мать, сестры, братья, дети, внуки, вместе с собаками, кошками, мышами, крысами и т. д. «Здесь кишат тысячи сверчков и черных тараканов». Новичку, по свидетельству Сеппа, скоро становится

дурно от невыносимого смрада этих хижин. С гораздо большим удовольствием он посещает сады отцов, которые полны овощей, цветов, кустов, виноградной лозы, а также кладбище, украшенное пальмами, апельсиновыми и лимонными деревьями.

«Отсюда посетитель выходит через одни из четырех ворот города на общественные поля редукции. Здесь он находит прежде всего гостиницу “Ramada” и разного рода промышленные заведения: кирпичные заводы, печи для обжигания извести, красильни, колокольно-литейные заводы, мельницы, приводимые в движение людьми и лошадьми. Немного далее он встречает прекрасно содержимые сады. Они образуют первую зону обрабатываемой земли. Далее идут обширные поля риса, табака, пшеницы, бобов и гороха в перемежку с плантациями чая, хлопка и сахарного тростника. Все эти поля содержатся в великолепном порядке. Только некоторые участки представляют весьма печальный вид: это земли, предоставленные в индивидуальное пользование туземцам. Выйдя за пределы полевых угодий, мы находим альменду редукции — беспредельную ширь прерий и зарослей. Здесь пасутся 500 тысяч голов рогатого скота, 40 тыс. овец, до 1 тыс. лошадей и ослов редукции Япейю. Вдалеке, на горизонте, кое-где виднеются хижины пастухов, охраняющих стада редукции».

Таков же внешний вид и всех других, устроенных иезуитами редукций на территориях рек Параны и Уругвая.

III. Порядок жизни и устройство редукции

Посмотрим теперь, как жили в этих поселениях и как они управлялись.

Внутренняя структура населения редукций слагалась из двух классов — из руководителей, «отцов»-иезуитов, деспотических властителей страны, и из руководимых — краснокожих туземцев. Первых — маленькая горсть — от ста до полутораста человек неограниченных правителей, так как

власть испанского короля была чисто номинальной; вторых — от ста до двухсот тысяч, принадлежащих к одной и той же этнической группе, к племенам гуарани.

Иезуиты захватили власть в Парагвае не путем заговора или насилия, — хотя изредка и это оружие они пускали в ход, — а путем совершенно новым — путем «завоевания духовного», «охоты за душой», «конкиста эспиритуаль», т. е. убеждением и воздействием.

Такой способ, трудный и необычный, мог иметь успех только в опытных руках людей недюжинных и духовно сильных.

Как известно, общая линия поведения отцов-иезуитов была очень вдумчивой, осторожной и в целом либеральной. Иезуиты талантливо приспособлялись к местному населению, изучали его особенности, нравы и обычаи. Здесь, например, они создали грамматику гуаранского языка, строили крепости против испанцев и вели борьбу против крепостного права, превращавшегося для индейцев в темное и жестокое рабство. С отцами-иезуитами для гуарани пришло освобождение и милосердие, внимание к нуждам и облегчение феодального ига. Само собою понятно, что при этих условиях они являлись желанными для туземцев. К тому же последние состояли из групп более склонных к культуре и воздействию. Среди южно-американских племен попадались и такие, как, например, племена имбаи, воинственные и свирепые людоеды, которые никогда и никому не поддавались. Гуарани, наоборот, были иные, податливые и уступчивые.

Решительный переход к новому строю начался в сороковых годах XVII столетия, со времени появления во главе парагвайских миссий «провинциала» Диего Торреса и затем отца Монтохи, удивительной личности и фактического парагвайского социального диктатора, о котором уже говорилось. Социальная революция в Парагвае произошла тихо и незаметно. Внедрение основ нового коммунистического строя завершилось к концу второй половины XVII столетия. Государство создавалось для организации правильной религиозной жизни верующих в духе первых христиан. Цель его

была — спасение души, средства — коммунистическое хозяйство, имущественное равенство. Такой порядок требовал в свою очередь изоляции края от внешних влияний и вмешательства, т. е. изолированности политической, духовной и экономической. Это и достигалось рядом последовательных и решительных мер.

Свои политические независимые владения иезуиты разделили на 31 округ или «доктрины».

Каждая колония или «редукция» управлялась особыми лицами — членами ордена, «отцами», в помощь которым избирались лучшие туземцы — «коррехидоры», действовавшие по указаниям патеров. В каждой редукции были два главных патера — один руководитель-администратор, другой — духовник-исповедник. Они управляли, стараясь не сталкиваться в обыденной жизни с своею паствою, держась от нее далеко. Они строжайше должны были чуждаться индейских женщин, а исповедники вообще только в редких случаях показывались народу. С населением сносились преимущественно через коррехидоров. Во главе всей сети колоний и, тем самым, всего иезуитского государства стоял Кордовский провинциал и четыре его советника.

Число членов ордена, занятых в Парагвае, было не велико, не более ста-ста двадцати на все тридцать колоний или округа.

По этому одному можно судить о той мощной и необычайной энергии, которую должны были проявлять эти социальные реформаторы и руководители. Работа их была колоссальна. И действительно, в руках иезуитов сосредоточивалась вся полнота власти как светской, так и духовной. Исповедники и администраторы, пропагандисты и руководители, они имели в своих руках все виды оружия, все виды воздействия и духовника, и правителя, и судьи, и даже военачальника. К тому же в большинстве случаев, как видно из их сохранившихся биографий, перед нами люди незаурядные, а некоторые, как Диего Торрес или, особенно, Монтоха, исключительно выдающиеся.

Первым актом Диего Торреса было получение от короля привилегии на организацию в Парагвае колоний, посел-

ков, редуций, без всякого участия, вмешательства и даже проживания в них испанцев. Конечно, по мере роста редуций и их хозяйственного успеха, ненависть и зависть соседей испанцев и португальцев все возрастали. Неприязненность, клевета, а иногда открытая вражда ряд лет составляли содержание соседских отношений. Иезуитов обвиняли в сокрытии золотых россыпей, в эксплуатации туземцев и пр. Испанцы просто мечтали вернуть туземцев к крепостной зависимости и т. д.

Целый поток доносов и жалоб, инсинуаций и клеветы постоянно изливался на головы руководителей коммунистическим государством в Парагвае. В итоге — бесконечный ряд расследований и следствий со стороны папского престола, генерала ордена и всяких светских заокеанских властей. Ряд поколений метрополия ревниво следила за этою колонию.

Между тем жизнь туземцев протекала по определенному руслу. Отцы-иезуиты бесконтрольно и безответственно управляли жителями, число которых было около ста тысяч человек, а в лучшие годы государства, т. е. в период с 1718 по 1732 г., доходило до 150 и более тысяч человек. Гуарани жили в небольших поселках-городках, вмещавших от двух с половиною до семи тысяч жителей каждый. Поселки были укреплены и изолированы. Деревень или хуторов в Парагвае не было. А между тем край был богат и обилен. Урожай риса собирался дважды, пшеницы тоже. Плоды и мед были в изобилии. Озера и реки кишели рыбой, леса — оленями, козами, кабанами, дикими лошадьми и рогатым скотом. В 1730 г. в Буэнос-Айресе за 2 иголки можно было выменять лошадь или быка. Перепелки и рябчики водились в таком изобилии, что их убивали палками.

Необычайное природное богатство увеличивалось еще трудолюбием индейцев, в итоге богатство и обилие.

Вся жизнь туземцев в городках была строго регулирована. В основе строя лежало отрицание права частной собственности, частной торговли и инициативы. Деньги, денежный оборот и всякая торговля воспрещались и фактически

отсутствовали. Каждый был обязан трудиться по указаниям и в предписанное время.

Все имущество страны было объявлено божьим, собственностью бога — Т у п а м б а к; на все было наложено своего рода новозеландское табу. Ничто в стране не могло ни отчуждаться, ни приобретаться, ни обмениваться, ни завещаться. Все жители объявлялись имущественно равными, и всякие излишки отбирались «в общий котел».

Избытки общего труда, а их было не мало, поступали во владение государственной власти, которая одна вела иноземную экспортную торговлю. Эта торговля, значительная и прибыльная, давала ежегодно отцам-иезуитам в пользу ордена до 2 миллионов франков, — почтенная рента по тогдашнему времени.

Отцы-иезуиты энергично торговали, но вне своей страны.

Главнейшими пунктами экспорта были портовые города Буэнос-Айрес и Санта-Фе. Так как при внешних сношениях туземцы могли бы подвергнуться пагубному, по мнению отцов-иезуитов, влиянию соседей, в частности испанцев, то не только для торговли, но и вообще выезд за границу, как и доступ в страну, были совершенно затруднены, а без согласия и разрешения отцов-иезуитов даже и невозможны. Переезд из округа вокруг без особого разрешения тоже не допускался. Если туземцам приходилось ехать с товарами в Буэнос-Айрес или Санта-Фе, то их всегда сопровождал патер, зорко следивший за ними и не пропускавший случая тут же отметить спутникам выгоды коммунистической христианской жизни перед нечистой испанской. Патеры, в сопровождении группы одинаково одетых гуарани, были хорошо известными фигурами Буэнос-Айреса. Они и здесь не упускали случая для назидательных разговоров и наставлений. Испанцы изображались патерами как орудия дьявола. В каждом из белых колонистов, по уверению отцов, сидел злой дух, стремившийся только к золотому тельцу, — верная аллегория, часто понимавшаяся наивными туземцами в буквальном смысле слова.

Все население исповедывало христианскую религию, тезисы и обряды которой ставились во главу угла. Но католицизм не мешал процветанию суеверий, которые поддерживались иезуитами. Впрочем, формально христианство исповедывалось в самой строгой форме, с точным соблюдением всей обрядовой стороны. Внешнее благолепие ставилось при этом на первый план. Даже свидетельства о крещении торжественно изготовлялись в Риме. Папа ревностно почитался главою церкви, наместником Христа на земле, а отцы-иезуиты — посредниками между богом и индейским населением.

Религии и богослужению отводилось в Парагвае очень много места. Присутствие при богослужении было для всех обязательно. Все население неукоснительно посещало все службы, молилось, исповедывалось, причащалось установленное число раз и принимало деятельное участие в церковных церемониях и пении. Это, естественно, вело к беспрекословному повиновению священникам и их управлению не только поведением, но и помыслами всей паствы. Отсюда один шаг к системе аскетических упражнений и к религиозному фанатизму, которые особенно усиленно поддерживались.

В этом смысле мы видим полнейшее осуществление теократического идеала Кампанеллы.

Итак, церковь, ее нужды, жизнь и вопросы занимали первенствующее место; это давало определенное направление и содержание духовной жизни гуарани, создавая своеобразную религиозную общину. Церковная архитектура, — как видно из сохранившихся гравюр и из описаний д'Орбиньи (1830 г.), — представляла собою единственную внешнюю роскошь, музыка, хоры и даже танцы при богослужении — главнейшее развлечение. Церковные интересы и религиозное настроение наполняли душу гуарани. Мечты о христианских добродетелях были высшим проявлением духа, что поддерживалось участием в духовных братствах.

Благолепие богослужения и внешняя обрядность занимали все время. Церковь своею внешностью тоже способствовала повышению духовного интереса. Церкви строи-

лись из камня, красивой и прочной архитектуры, с солидными украшениями. Стены со слюдой, резьбой и инкрустациею, алтари, украшенные золотом и серебром. На развитие музыкальной и вокальной части религиозных церемоний обращалось особое внимание.

Положительные и отрицательные стороны такого массового воздействия и воспитания были налицо: нравы несомненно становились мягче, поведение скромнее, но лицемерие и ханжество естественно свивали себе здесь прочное гнездо. Вопрос о направлении духовной культуры, таким образом, разрешался просто.

Население было очень однородно: туземцы или метизированные туземцы нескольких родственных племен и руководители — отцы-иезуиты: никакие иные европейцы или власти иного порядка или типа в редукции не допускались. Следовательно никакого духовного восстания, оппозиции и противодействия не могло быть. Не могло быть и борьбы за индивидуализм,— этой полярности и разлагающей силы против коммунизма.

Посмотрим теперь, в каких материальных условиях находилось и жило все население парагвайских редукций.

Центром внимания было насаждение евангельских добродетелей: равенства, послушания, скромности и бедности. Отсюда — один шаг к идее общности имущества первых христиан, легко под влиянием утопий нового времени превращавшейся в коммунизм.

Вся однородная масса населения находилась на иждивении и попечении государства и жила в совершенно одинаковых условиях. Порядок жизни и существования устанавливался как для каждого дня, так и для всего течения жизни. Священники появлялись под величавую музыку, при фимиаме и пении, во всем блеске великолепных одежд. Все было строго и заранее регламентировано на основах коллективного пользования, принудительного труда и поголовного имущественного равенства. В итоге не было ни бедности, ни богатства, ни нищеты, ни роскоши, т. е. не было обычных социальных бедствий, раздирающих индивидуалистический строй. Зато налицо были и однообразие

и казарменная монотонность жизни. Внутреннее содержание жизни парагвайцев давала церковь, ее служба и обряды, а это не могло всего заполнить, даже у гуарани; поэтому жизнь парагвайских коммунистов была бедна другими внешними впечатлениями. Театра или иных общественных развлечений не полагалось. Танцы не поощрялись, редукции — небольшие городки — были очень монотонны, трафаретны. Общественной роскоши никакой. В этом смысле описание красот города Солнца с его уличной хрестоматией на стенах выгодно оттеняет серую скуку парагвайских поселений. Здесь, в противоположность фантазии Кампанеллы, кроме церквей, магазинов и мастерских, да кое-где кирпичных заводов — никаких общественных учреждений и общедоступных зданий не было. Все частные хижины были крайне однообразны, бедны и неудобны. Они строились плохо и из плохого материала. Жилищный вопрос стоял здесь, несомненно, на первой очереди. Вообще скудость и бедность внешней обстановки этих крохотных и тесных городков была удручающей. Только субтропическая природа за селениями несколько смягчала скуку редукций. За изгородью из колючих кактусов тянулись рисовые и тростниковые поля, хлопковые и чайные плантации, целые апельсиновые рощи. Рогатый скот разводился в большом количестве, но надзор за неистреблением его занимал много времени у патеров, так как туземцы весьма охотно тайно истребляли скот, быстро пожирая мясо убитых ими животных.

Точно так же преследовалось пьянство. Борьба с ним велась особенно энергично. За пьянство давались наказания. Вообще к наказаниям прибегали.

Случалось, напр., что туземцы являлись к патеру с заявлением, что бык сбежал или зарезан ягуаром. В действительности животное съедалось туземцами, что скрыть было трудно. Заявление о пропаже делалось с чистосердечным, наивным видом, не без огорчения о случившемся. Патеры отлично знали цену таких заявлений, назначали положенное число ударов и делали соответствующие внушения.

Законов писанных не было. За проступки следовали наказания. Вообще же скала уголовных и иных наказаний была несложна. За отсутствием свода законов, — юриспруденция у этих коммунистов была не в фаворе, — все сводилось к правилам и обычаям. Согласно последним, система наказания была такова: 1) замечания и выговор, 2) публичное порицание, 3) физическое наказание, но не свыше 25 ударов, 4) тюремное заключение, но не свыше десяти лет, хотя первоначально убийцам назначали и пожизненное. Смертной казни ни теоретически, ни фактически не существовало.

IV. Хозяйственная жизнь Парагвайского государства

Перейдем к рассмотрению занятий и промыслов.

Рогатый скот был, как было сказано, предметом особого внимания коммунистических властей. Кроме скота, население могло пользоваться еще ослиами, но ездить на лошадях простым жителям воспрещалось. Лошадью могли пользоваться только чиновники или молодые воины, которым вручался также надзор и за стадами. Боязнь восстания и побегов, повидимому, играла при этом известную роль.

Каждый работал на себя в поле не более трех дней — остальное время представляло собою сплошной субботник, посвященный государству.

Сельское хозяйство шло как на удовлетворение продовольственных нужд, так и для нужд экспорта.

Главнейшею пищею населения служил маис. Маисовые поля и поля хлопчатника были важнейшими предметами культуры. Новые растения, полевые и огородные, охотно культивировались. Сады и огороды славились в окрестностях и уцелели и после распада иезуитского государства.

Весь урожай шел в общественные склады. Оттуда распределялось и выдавалось все продовольствие, для всех

равное. Отсюда выдавалась и пряжа для тканья, в которой ежедневно вечером женщины давали отчет.

Хранитель кладовой выбирался из числа пожилых, наиболее надежных коммунистов-корректоров.

Несколько раз в году выдавалась мануфактура на платье из запасов собственного изделия. Платья имели простой и скромный вид, но все же внешний вид коммунистов был лучше и опрятнее, чем у испанцев, ходивших часто в лохмотьях. Только по вопросу обуви отцы держались взгляда, что это совершенно излишняя роскошь.

Самое питание жителей находилось тоже под строгим наблюдением отцов. Туземцы Южной Америки были каннибалы. Индейцы питались всегда почти сырым дымящимся мясом, проведенным раз-другой через огонь, а вареное бросали собакам. При этом они могли съедать в любое время необычайное количество свежей убойины. Их надо было переделать в этом отношении. Отцы-иезуиты упорным трудом и выдержанной настойчивостью перевели свою паству с употребления мясной пищи преимущественно на пищу растительную. Хотя мясная пища давалась им в изобилии, но отпускаемое туземцам мясо отцы-иезуиты позволяли употреблять лишь жареным или вареным.

Поэтому, основывая свои округа и редукиции, отцы-иезуиты всегда были крайне озабочены разведением скота. Так, устраивая миссию у более северного племени чиквитосов, патеры предварительно привели из-за Кордильеров небольшое стадо рогатого скота, которое затем заботливо размножили.

Зато в южных редукициях скот был в изобилии. В одном городке Уарейу насчитывалось около 1/2 миллиона голов скота, в Сен-Мигуэле (поселок в 7 слишком тыс. жителей) рогатого скота было еще больше, здесь имелись также громадные стада овец, разводившихся ради шерсти. Некоторые редукиции насчитывали стада в 30.000 голов овец.

Стада поручались заботам молодых патеров. Им в помощь давались вооруженные верховые индейцы, проходившие особое воинское обучение. Лихая и отважная молодежь должна была владеть оружием и копьём настолько в со-

вершенстве, чтобы не пасовать перед испанцами соседних территорий, природными наездниками и «гаучосами». Устраивались специальные кавалерийские школы и конские ристалища, чтобы высоко держать знамя южно-американского «гаучоса». Один из отступников иезуитского ордена писатель Ибанес (Ibanez) иронически замечает в своей книге о Парагвае, что иной патер лучше умел скакать сотни верст за потерявшейся коровою, чем составлять проповеди.

«Христианнейшая республика», основанная иезуитами без всяких внешних препятствий для полного осуществления евангельских принципов, оказывается, при ближайшем рассмотрении, очень остроумною и прибыльною смесью крепостничества и рабства. Индейцы, как крепостные, должны были сами производить средства для своего пропитания и, как рабы, были лишены всякой собственности.

Материальное благополучие их оказывалось очень условным. Одежда была бедна и скудна. Дома строились из тростника, облепленного глиной, без окон и дымовой трубы. Очаг находился посреди пола, а дым выходил, как в русской курной избе, из щелей и дверей. Все сидели на полу и спали без постелей. Не было ни аптек, ни больниц, эпидемии же были часты и свирепы. А край был богат и трудолюбие значительно.

Ежедневно из стад на бойни поставлялось определенное число скота. С бойни мясо распределялось по семьям редуции. Ежедневно городок С.-Мигуэль расходовал 40 быков для своего пропитания; это составляло, считая средний вес животного только в 20 пудов, около 4½ ф. мяса на едока, что нельзя не считать чрезмерным.

Так же щедро выдавался чай. В ином положении было дело с солью, которую доставали с большим трудом. За центнер соли патеры тогда платили 16 талеров, а потому соль выдавали только по воскресеньям, в виде особой премии или награды.

Кроме сельского хозяйства, население в Парагвае было занято и промышленным трудом, ремеслами и индустрией.

На особом положении были ремесленные работы, развиту которых отцы-иезуиты придавали большое значе-

ние. Некоторые из ремесл были художественного типа, некоторые ставились на большую ногу, напоминая начатки будущих мануфактур.

Ремесленные мастерские находились вблизи квартир патеров, так как последние особенно часто инспектировали производство. В некоторых редуциях, где были вдовьи дома, процветали и женские рукоделия, некоторые виды рукоделия носили художественный характер.

Важнейшие ремесленники — кузнецы, столяры, портные, сапожники, ткачи и пр. — имелись в каждом поселке. Они бесплатно исполняли каждому все необходимые работы. Часовое ремесло, выделка инструментов и изделий из кожи, производство статуэток и резных изделий, живописные работы и пр. производились в ряде мест с большим успехом. Каменные работы и постройки выгодно выделяли страну иезуитов в то время, когда соседние территории вынуждены были довольствоваться глинобитными хижинами. Вообще «государство иезуитов» в диких дебрях было единственным индустриальным государством Южной Америки, но, конечно, продавать свои промышленные изделия оно не могло.

В Мадриде на коммунизм и на занятия туземцев смотрели далеко не сочувственно и постоянно производили ревизии. Один из ревизоров, Дон Педро Наскардо, уверял короля, что «поселения достойных отцов являются христианскою республикою, где царствует самая возвышенная невинность и, быть-может, за целый год не совершается ни одного смертного греха». Миссионеры достигли таких результатов, упорно воспитывая дикарей, склонных ко всяким порокам.

Материально они бедны, но обеспечены на год, что важно при беззаботности и легкомыслии туземцев. «Все, что производят индейцы, — писал епископ Буэнос-Айресский, — обеспечивает им только ежедневное пропитание; пища состоит из мяса, риса и овощей. Одеваются они в грубые, простые ткани; излишек идет на постройку и содержание церквей».

Впрочем, в действительности было не так, ибо существовала еще и внешняя торговля. К ней и перейдем.

V. Торговля и экспорт

Торговля этой неторговой страны сводилась к экспорту сельскохозяйственного сырья; хлопчатник, кошениль, чай были главнейшими предметами оптовой торговли.

Само же коммунистическое государство нуждалось в поваренной соли, извести и металлах, особенно в железе. Все это можно было получить только путем внешней торговли. Но государство иезуитов было островом среди культуры иного типа. Оно было именно таким, каким должно быть всякое утопическое государство по методу Томаса Мора или Кампанеллы — изолированным: иначе его строй рухнет. Получалась коллизия между политической, даже социально-политической необходимостью в изоляции, так сказать, в самоблокаде, и необходимостью во внешнем товарообмене, во внешней торговле. Понятно, что государство, нуждавшееся во многом, не желавшее оставаться на первобытной ступени развития, должно было иметь товарообмен с соседями, т. е. торговлю. Это-то и являлось самым уязвимым местом политики ордена. Наличие торговли представляла собою прямое нарушение канонического запрета, — это с одной стороны. С другой — торговля и денежный оборот являлись как раз теми основными институтами, на которых покоилась вся система меркантилизма. Таким образом торговая деятельность в Парагвае была равносильна служению самому злободневному виду золотого тельца, т. е. измене своим идеалам.

Никому, конечно, не было дела, что коммунистическое государство только из внешней торговли могло извлечь необходимые ему денежные ресурсы, без чего не мог функционировать народнохозяйственный аппарат всей страны.

Денег внутри страны не было, их не чеканили и не печатали. Конечно, в личных ко-

шельках патеров, а может-быть и в государственной казне было некоторое количество денежных знаков, как необходимая валюта для иноземного оборота, но официально в пределах парагвайского коммунистического государства деньги отсутствовали. При расчетах переносили со счета на счет без наличной уплаты.

Единственный раз деньги, как таковые, появлялись на официальной арене; это — при венчальном обряде. Свадебная церемония по старому обычаю требовала вручения женихом невесте металлической монеты. Перед венцом туземцу выдавались монеты; он их вручал своей суженой, а после венца деньги вновь возвращались церковнослужителю. Деньги, таким образом, являлись только аллегорией и притом довольно темною.

Безденежно служили и солдаты. Но коммунистическая армия была скорее типа милиции; об особой организации кавалерийской части уже было сказано. В этой армии поддерживался воинский дух, и она в силу военных упражнений, повидимому, представляла собою некоторую силу. В каждом селении или редукции был отряд пехоты и кавалерии. Вооружение — смешанное, туземное и огнестрельное. Главное управление миссий содержало еще наемный отряд смелых абипонских наездников, славившихся храбростью и лошадьми.

Армия иезуитов вела несколько победоносных войн. В 1653 году она освободила столицу Парагвая Ассунсион. В 1667 и 1671 гг. освобождали Буэнос-Айрес, блокированный англичанами. Когда наместник Парагвая (Дон Хозе Антекверра) вступил с ними в войну, он был разбит двенадцатитысячным войском туземцев, руководимым иезуитами и европейскими офицерами. Часто случалось, что католики-туземцы пользовались военными действиями, чтобы навсегда уходить в леса и возвращаться к бродячей жизни.

VI. Семья и брак, воспитание и обучение, наука и искусство

Жители «Города Солнца», как истинные коммунисты, не знают индивидуальной семьи и индивидуального брака. По идее Томазо Кампанеллы, все дети принадлежат обществу, а половые отношения регулируются государственной властью.

В Парагвайской организации — индивидуальны й б р а к и м н о г а м н а я с е м ь я сохранены, но бракосочетание — дело отцов-иезуитов. Не только в религиозном, но и в государственном смысле они регламентировали все, даже половые отношения. Все достигающие 14 лет девочки и 16 лет подростки-мальчики представляют собой матерьял для вывода здорового поколения. Вступление в брак позднее указанного возраста разрешается с большим трудом. Для заключения браков было установлено два срока в год не без непосредственного вмешательства ордена: «Правда, иезуиты постоянно утверждали, что браки совершались по взаимной склонности, и что существовало множество образцовых семейств. Однако к бракам туземцы относились с некоторым индифферентизмом, даже с некоторым презрением. Поэтому, например, ночью раздавался звон колокола, который должен был напоминать супругам об их супружеских обязанностях»¹⁾.

Повидимому, молодежь редукций не во всем разделяла взгляды отцов-иезуитов. В литературе о Парагвае известен случай, — а возможно, что он был не единственный, — когда юноши и девицы одной из редукций восстали и ушли на долгое время в горы. Отсюда они похищали стада для убоя, и только с трудом отцам-иезуитам удалось убедить беглецов вернуться. Их брачные союзы, возникшие на свободе, были узаконены.

¹⁾ К и р х г е й м, А. «Вечная утопия». Рус. пер. Спб. 1902 г. Стр. 31.

Воспитание детей начиналось очень рано. Образование сводилось к усвоению религии, к умению читать и писать на своем родном языке и для более способных — к начаткам латинского языка. Европейских языков, литературы и истории, обычаев и законов они не знали. Указу Филиппа V (1743 г.) об обучении туземцев испанскому языку иезуиты прямо сопротивлялись, спасая, по их мнению, свою паству от развращения соседями. Этот отпор иезуиты, повидимому, давали тем охотнее, что в числе их разноплеменного состава особенно мало было испанцев. Детей обучали до и после богослужения.

Вся книжность сводилась к нескольким книгам на туземном языке (гуарани), на котором имелись катехизис и рассказы из жизни святых. Книги при этом служили больше для надобностей самих отцов-иезуитов, чем туземного населения. Зато обращалось большое внимание на усвоение религиозных истин и на поведение.

Собственно вся жизнь парагвайского республиканца представляла собою одно непрерывное воспитание. Обучение прекращалось с замужеством или женитьбою, но назидательное наставление и нравственное поучение не прекращалось до гроба. Центром высшего просвещения была редукция Кордова. Здесь находились «Кордовский университет» и типография.

Система воспитания и распорядок жизненного уклада не давали в Парагвае места для личной свободы. Индивидуум находился здесь в заранее строго определенных рамках, постоянно составляя необходимую часть целого, т. е. всего коммунистического государства. Личность отдельного человека рассматривалась только как часть всего коллектива. Жизнь и деятельность государства наполняла своим содержанием личную жизнь парагвайского гражданина. Он мог, как древний римский стоик, воскликнуть: *Salus populi suprema lex!*

VII. Общий ход жизни

Индейцы, говорит Поль Лафарг, были «точно кролики в парках» заперты в миссиях, окруженных рвом и частоколом в предупреждение побегов и сношений с внешним миром. У входных ворот — часовые, спрашивающие письменный пропуск. После определенного вечернего часа никто не мог ходить по улице. Патруль «из лиц, на которых можно положиться», каждые три часа проходил по всем улицам, чтобы никто не мог покинуть дома, не сообщив, что его побудило к этому и куда он идет.

Вспомните рассказы Купера или Густава Эмара, которыми каждый в юном возрасте зачитывался. В этих опозитизированных, гордых и вольнолюбивых детях широких прерий много первобытной девственной прелести. Как ужасен для них такой режим! И все эти «Следопыты» и «Орлиные Глаза» превращались в кадры верных и зорких полицейских, в послушное орудие патеров, в карающую руку за проступки и преступления, навешанные природою и вольностью.

Покаянная рубашка и поцелуи руки да наказание — вот то величайшее извращение человеческой природы, которое приводило в умиление залетных гастролеров далекого края, как Фунес или Уллоа.

Церковные украшения, бесчисленные богослужения и участие в ряде братств имени разных святых — вот другое худшее стеснение, где умерщвление духа свирепствовало с еще большею методичностью. И вся эта незримая миру инквизиция протекала при улыбках благочестия и наставлениях о святости. На дне этой бойни индивидуального духа зияла черная пасть исповедальни. Вот где происходило умерщвление личности, вот где происходили бескровные пытки духовного застенка. Так насаждалась девственному народу высшая культура, тот земной рай, в который он вгонялся духовною дубиною и скорпионами бичующих наставлений.

Зато на другой чаше весов в противовес поруганной свободе личности лежали ордера на равенство и сытость,

на сытое равенство и равенство в сытости.

Итак, в коммунистическом государстве Парагвая отсутствовала и индивидуальная свобода и свободная критика окружающих условий. Их заменили, как мы видели, строго установленный порядок, которому необходимо было беспрекословно повиноваться, и распоряжения отцов-иезуитов, являвшиеся высшим законом для жителей.

Отсутствие свободы при наличии принудительного труда приводило к тому, что туземец постепенно утратил право свободного передвижения. Для хозяйственного оборота в этом передвижении не было надобности. Ни отдельные лица, ни отдельные редукции ничем личным, частным не владели; отсюда не было необходимости передвигаться по чисто-хозяйственным надобностям и причинам.

Вся жизнь от колыбели до могилы была строго распределена и планомерно размерена; скромная и спокойная жизнь, систематическая упорная и полезная работа создавали спокойное, сытое, более зажиточное в общей массе и предусмотренное заранее благополучное существование. Бедности, страданий от лишений и голода, зависти к первенству в Парагвае действительно не было. Весь коллектив в целом бесспорно благоденствовал. Эти положительные результаты смели дух вольности и создали в конце концов известную привязанность обезличенной и сытой паствы к своим руководителям. Впоследствии, после ряда поколений, часть туземцев по ликвидации иезуитского правления долго и нелицемерно о нем сожалела.

Но зато радости индивидуальной свободы и жгучие ощущения личного успеха и благосостояния здесь отсутствовали, как бы подчеркивая еще раз непримиримость вековой проблемы: индивидуум и коллектив. Даже наиболее пламенный защитник иезуитов Ф у н е с сознается, что в миссиях не было достаточно свободы, но утешается тем, чем утешаются тираны всех времен и народов: «е щ е н е н а с т а л о в р е м я д а т ь н а р о д у с в о б о д у».

Такова краткая история Парагвайского коммунистического эксперимента.

Глава II

КОНЕЦ ПАРАГВАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Парагвайский эксперимент был очень поучителен и в общих своих чертах и в деталях. С внешней стороны можно думать, что отцы-иезуиты, приняв определенное решение социальной проблемы, так же остановились перед теми же вековыми вопросами, как и мы, и так же стремились к их посильному разрешению. Но сравнение таких двух эпох, как парагвайская и современная — невозможно.

Во-первых, между тридцатыми и сороковыми годами XVI века и двадцатыми годами XX прошли три больших столетия. Развились крупная капиталистическая промышленность, мировой рынок и его сложные экономические отношения между буржуазией и пролетариатом.

Во-вторых, никаких исторических социально-экономических предпосылок для парагвайского эксперимента не было. Коммунизм в Парагвае не был следствием революционного изменения хозяйственного строя. Здесь не было исторического процесса, не было пролетариата.

К тому же конец Парагвая близился. Иезуиты отступили от заветов ордена, монашеского и аполитичного.

Парагвайское государство организовалось в эпоху наибольшего внешнего успеха ордена иезуитов, история расцвета которого оканчивается в середине XVIII века. Неповиновение папе в отдельных странах, обогащение миссий, и раздоры с другими орденами вызвали враждебное отношение к ордену как в Риме, так и в других государствах, что, в конце концов, привело к падению ордена.

Первым предвестником гонения являлось нападение Рима на колониальную торговлю ордена. А именно, в 1743 году папа Бенедикт XV издал особую буллу, направленную

против торговли иезуитов, как деяния, совершенно противоречащего духу канонических установлений.

В Южной Америке были также и свои социальные причины политического кризиса. В 1750 году, в силу договора между Испанией и Португалией, та часть Парагвая, где находились и редукции иезуитов, должна была отойти к Португалии. Иезуиты и туземцы частью выселились из Парагвая, при чем большинство туземцев-переселенцев при этом просто разбежалось и выселилось, частью просто воспротивились вооруженною силою. Произошли столкновения. В итоге последовало суровое судебное расследование. Дни парагвайской самостоятельности были сочтены...

Следствие еще не закончилось, как в 1758 году произошло покушение на португальского короля Иосифа I. Министр Карвало, маркиз де-Помбаль, обвинил в участии в заговоре иезуитов, которые вследствие этого и в силу специально изданного эдикта (3 сентября 1759 года) были изгнаны из Португалии. Это произошло в 1768 году. Так был подсечен в корне питательный ствол иезуитского ордена. Колония лишилась органической связи с метрополиею. В итоге «дела» парагвайские миссионеры были арестованы и привезены в Италию, в Папскую область, а 3 августа все вообще иезуиты были навсегда изгнаны из Португалии.

Парагвайское государство иезуитов прекратило тем самым свое официальное существование. Так неожиданно окончилась их история.

Вскоре, в 1764 году, иезуиты были изгнаны из Франции, а еще три года спустя из Испании. В 1773 году бреве папы Климента XIV (под названием *Dominus et Redemptor noster*) объявил орден уничтоженным; хотя он существовал ряд лет в некоторых странах, но уже не мог настолько оправиться, чтобы вернуть себе власть в Южной Америке. Отцы-иезуиты туда уже больше не вернулись. Их дело, как мы видели, насильственно оборвалось внешним вмешательством.

Насильственно обезглавленный организм еще некоторое короткое время существовал. Население пыталось заступиться за своих патеров, и некоторое время государств

во, как связанное целое, еще существовало. Но это государство уже было трупом, нежизнеспособным и бездеятельным. Государственный механизм без управления остановился и распался. Население начало еще быстрее и энергичнее разбегаться.

II

Отцы-иезуиты, вводя в своей республике коммунистическое хозяйство, не следовали никакому определенному учению или плану, да и не могли ему следовать, так как вообще сочинения или письменного практического изображения коммунистического идеала в их эпоху еще не существовало. Их государство не являлось и попыткой осуществить какую-либо из социальных утопий — Платона, Мора или Кампанеллы — на практике, хотя некоторые впоследствии несправедливо изобличали их в заимствовании идей из «Государства Солнца». Коммунизм у опекаемых туземцев складывался сам собою под влиянием религиозных соображений — с одной стороны и условий создаваемого государства — с другой. Религиозные соображения покоились на христианской догматике, а социально-экономические условия диктовали необходимость введения **о п р е д е л е н н о с т и**, имущественного **р а в е н с т в а** и централизации хозяйственного управления. Всему этому больше всего соответствовала система потребительного коммунизма, который не трудно было ввести у диких племен.

Интересно, что иезуиты во всех миссиях Южной Америки приходили к необходимости организовывать именно коммунистические организации. Управление жизнью общины извне стоящею властью естественно приводило к коллективному строю и хозяйству. Стремление дать имущественное обеспечение и равенство членам общины также приводило к той же системе. Наконец, она была в духе монашеских орденов и первых веков христианства, а потому поддерживалась и религиозными идеалами.

Вообще вся организация коммунизма в Парагвайской республике носила на себе печать католического монашеского ордена. Уставы Бенедикта Нурсийского или ордена Лойолы содержат правила, аналогичные с правилами Мацеты и Кательдино: то же отсутствие личной собственности, личной инициативы, непрерывное богослужение, та же система отношений и наказаний, тот же образ жизни и порядок житейского уклада.

III. Парагвайский строй при свете современного коммунизма

Великая мировая война, как результат империализма и разгула буржуазного строя, естественно усилила развитие социализма и дала возможность первого в мире осуществления в государственном масштабе коммунизма. В основе последнего лежит организация п л а н о м е р н о с т и всего народного хозяйства, бывшего в руках буржуазии стихийным и неорганизованным. Пролетарский строй строится вместо «порядка», при котором господствуют эксплуататоры, водворить интересы эксплуатировавшейся ранее широкой массы трудящихся. Поэтому коммунизм Советской России служит показателем пути, по которому неизбежно должен идти мировой пролетариат. Здесь с громадными усилиями осуществляются первые зачатки той великой хозяйственной системы, которая, в конце концов, неизбежно разовьется во всем мире. Спрашивается, не является ли Парагвайское государство первым этапом по пути осуществления великой цели?

Между коммунизмом Парагвая XVII века и современным коммунизмом России, вводимым как результат пролетарской диктатуры, лежит глубочайшая пропасть. Парагвайский коммунизм — коммунизм мнимый, чисто внешний. Это даже не утопический коммунизм — с ним у него нет никакой связи. В Парагвае мы видим только введение внешних форм общей монашеской жизни, но без ее суро-

вой хозяйственной принципиальности и той идеологии, которая объединяла верующих для жизненного подвига. В Парагвае отсутствует какая бы то ни была идеология, сознательная и усвоенная массой. Вообще бывшая идеология утопического социализма рекомендовала или мирный путь убеждения и пропаганды, или медленный путь перевоспитания в новых принципах, как возможный в любой исторической обстановке.

Современная коммунистическая идеология — результат исторического процесса и покоится на учении о классовой структуре общества и классовой борьбе. Пролетариат, свергая буржуазию, немедленно и насильственно, смело и революционно, осуществляет новый строй, основанный на антитезе существующему. Основами современного коммунизма являются: отмена частной собственности на землю и орудия производства, обобществление орудий производства и ведение хозяйства по принципам централизации и планомерности, т. е. коллективизма.

Сознание наличности и важности мирового рынка и мировой международной связи народов, т. е. невозможности создать только в одной из европейских стран коммунистическое хозяйство при общей мировой системе индивидуализма, приводит к признанию, что необходима е д и н о в р е м е н н а я с о ц и а л ь н а я р е в о л ю ц и я во всем буржуазном мире.

Вторая отличительная черта современности — проведение социальной резолюции силами самого населения, т. е. изнутри населения, наибольшим по численности классом — т р у д я щ и м и с я, при помощи захвата ими политической власти.

Наконец, третья отличительная черта — коммунизм не исходный пункт, не первый этап социального развития, а з а к л ю ч и т е л ь н ы й ф и н а л, итог назревшего процесса, в котором он завершает разрушение старого мира и приходит ему на смену.

Не обширные исторические волны поочередной смены преимущественно индивидуалистической или преимущественно коллективистической эпохи, гармонических и анти-

гармонических эпох, как фантазировал великий утопист Фурье, а погребение старого буржуазного индивидуализма навсегда под сенью растущего и крепнущего коллективизма — вот итог социалистического движения.

Таким образом перед нами в Парагвае не зародыш сложной социально — исторической проблемы, той великой проблемы момента, в который мы живем, а нечто только внешне напоминающее давно минувший монашеский строй, но даже без его значительного внутреннего содержания.

К тому же коммунизм современности не покоится на религии и деспотизме чужого мировоззрения. Он представляет собой необходимый результат всего исторического развития буржуазного строя, результат усилий и борьбы всего рабочего класса. Коммунистический строй современности, имея иной смысл и иное содержание, организуется иным способом и на основе иных причин, чем наивный «парагвайский» эксперимент отцов-иезуитов. Между парагвайским «опытом» и современной мировой проблемой — социологическое и философское расстояние, не поддающееся сравнению. Это несоизмеримые величины.

Ныне вопросы коммунизма приобретают первостепенное мировое значение; коммунизм нашего времени — целое, целостное и научное мировоззрение, плод борьбы и завоеваний мирового пролетариата.

Как далека от него судьба кучки фанатичных и ревностных сынов Лойолы на заре американской истории в далеких девственных прериях Южной Америки!.. Пусть их энергия и ошибки вызывают в XX веке ироническую улыбку; пусть, действительно, они только обогащали свой орден, но ведь эти заброшенные в прерии фанатики католицизма, отрешаясь от личной жизни и личного счастья, конечно, все же пытались по-своему решать великую социальную проблему европейской культуры. Ведь они пламенно желали земного рая, не щадя ни себя, ни других, наивно думая, что насильственно-вводимый внешний коммунизм в соединении с религиею — тоже путь для переустройства общества.

Кто откажет им в самоотречении и мужестве, в героическом дерзновении и беспримерной стойкости?

Между тем история учит, что только материальные условия, условия производства создают объективные условия для создания обстановки, помогающей пересозданию общества. Их налицо в той обстановке и в той эпохе совершенно не было.

В Парагвайском эксперименте было бы ошибочным искать намека на идеалы современного революционного пролетариата. Он был, по сути, искажением самой идеи и смысла коммунизма.

Без корней в прошлом и в реальных условиях этот вид «коммунизма» не мог существовать. Он так же неожиданно возник, как и погиб, сойдя со сцены мировой истории.

Об авторе

Историк, экономист, литератор Владимир Владимирович Святловский родился в 1869 году в Петербурге в семье известного врача, закончил гимназию в Москве. В 1890-92 гг. в Петербурге сблизился с социал-демократической группой Бруснева, читал лекции в рабочих кружках, участвовал в маевках. В 1892 г. в связи с полицейскими преследованиями эмигрировал в Германию, где закончил экономический факультет Мюнхенского университета и получил докторскую степень.

В 1898 г. вернулся в Петербург, участвовал в социал-демократическом движении. С 1901 г. — приват-доцент Петербургского университета, лектор по истории политической экономии. Служил в статистическом отделении министерства земледелия, с 1903 — заведующим статистическим делопроизводством при министерстве финансов.

С 1905 состоял в «Союзе союзов» (член бюро и казначей), принял участие в создании первых легальных рабочих профсоюзов в России. В ноябре 1905 избран членом Центрального бюро профсоюзов, стал главным редактором его журнала «Профессиональный союз». В декабре 1905 вошел от Центрального бюро во второй состав исполкома Петербургского совета рабочих депутатов. В 1905-1906 издал ряд брошюр и монографий по истории и теории профсоюзного движения, в 1907 опубликовал труд «Профессиональное движение в России». Впоследствии отошел от революционной деятельности.

В 1907 году по предложению Петербургского университета и Академии наук отправился в этнографическую экспедицию в Австралию и Океанию. Посетил Австралию, Новую Зеландию, Гавайские острова, остров Самоа и остров Пасхи, Новую Гвинею и Меланезию, собрал богатую этнографическую коллекцию, помещенную в Музее антропологии и этнографии. По итогам поездки опубликовал ряд научных работ, был избран членом-корреспондентом Академии наук и профессором по кафедре политэкономии и статистики Петербургского психоневрологического института. С 1910 преподавал политэкономии на Высших женских курсах.

После революции 1917 г. преподавал в Высшем партийном институте Балтфлота, в Петроградском университете, в Военном институте им. Толмачева, читал лекции в Коммунистическом

университете им. Зиновьева, в училище им. Рошаля, в Военно-Морской академии и т. д. С 1920 работал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, с 1924 — в Ленинградском Губпрофсовете. Скончался в 1927 году, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Перу Святловского принадлежат монографии «Жилищный вопрос с экономической точки зрения» (1902), «Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России» (1913), «Происхождение денег и денежных знаков» (1923), «История экономических идей в России» (1923) и др, книги стихов «Янтари» (1916) и «Седые города» (1917). Как фантастовед, известен также библиографическим указателем «Каталог утопий» (1923), в который включена информация о почти 1500 книг и журнальных публикаций утопистов разных стран и времен (от античности до начала XX в.), литературе об утопиях и отдельных авторах.

Включенные в книгу работы В. В. Святловского публикуются по первоизданиям:

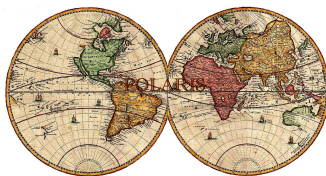
Святловский Владимир. Русский утопический роман. Петербург, Государственное издательство, 1922.

Святловский В. В., проф. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Петроград, изд. «Путь к знанию», 1924.

Оглавление

Русский утопический роман	5
<i>Приложение</i>	
Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст.	61
Об авторе	106

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.